Серафима Вишняк

Дом, который...

Повесть

Серафима Вишняк

Дом, который… Повесть

«Издательские решения»

Вишняк С.

Дом, который… Повесть / С. Вишняк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936236-0

«Лихие девяностые». 11-летняя алматинка Надя Павлова уверена, что в недостроенном особняке, находящемся неподалеку от ее «хрущевки», водятся привидения.Жителей города терроризируют уличные банды, молодые и симпатичные женщины становятся жертвами неуловимого маньяка.Оказавшиеся в эпицентре «эпохи перемен» взрослые сосредоточены на зарабатывании денег, а растущей на городском фольклоре девочке предстоит столкнуться с недетскими проблемами и самостоятельно ответить себе на многие важные вопросы. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-936236-0

© Вишняк С.
© Издательские решения

Дом, который… Повесть

Серафима Вишняк

© Серафима Вишняк, 2018

ISBN 978-5-4493-6236-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается моей маме

1.

– Надя. На-дя…

Надя открывает глаза. Кругом стоит непроглядная тьма. Объятья еще совсем недавно сладкого и крепкого сна постепенно становятся слабее, но его власть над девочкой все еще сильна. Пока она пытается сообразить, кто и зачем ее будит, голос, кажущийся звенящим из-за глубокой ночной тишины, раздается над самым ее ухом:

– Надька!

Это же Юлька. Тьфу… Какого черта понадобилась ей ночью? Совсем спятила… Надя приподнимает голову с подушки, всматривается, пытаясь сфокусировать взгляд, в смутный силуэт сестренки и сердито шипит:

– Что такое? Ты че?

Увидев, что Надя проснулась, Юлька радостно и таинственно шепчет:

– Пора!.. Пойдем!

– Ты сбрендила, что ли? Куда? – Бормочет Надя, стараясь придумать, как быстро и по возможности не грубо отправить Юльку спать.

– Да курицу же воровать! Ты че, забыла?.. – Восклицает та. – Ты же сама говорила…

– Да тише ты! Ты че?! Сейчас баба проснется, будет тебе курица…

Точно в ответ на эти слова, за стенкой раздается ворчливый скрип пружин старого дивана. Девочки мигом замолкают, испуганно прислушиваются. Но все тихо. Бабушка, кашлянув во сне, и не думает пробуждаться.

Юлька – двоюродная сестренка, но Наде она все равно, что родная. Ей уже пять. Несмотря на наличие собственной мамы, она практически с самого рождения воспитывается вместе с Надей.

Юлька протягивает руку и, обхватив пальчиками запястье сестры, настойчиво тянет ее с постели:

– Пой-дем…

И угораздило же Надю днем вбить сестренке в голову идею о похищении курицы с соседнего двора! Там живет сумасшедшая бабка. Однажды, устав орать на мирно качающихся на качелях детей, она взяла и выплеснула на них кипяток…

О существовании курятника Надя узнала только сегодня – именно благодаря Юльке, которая заметила курицу первая. Надю аж завидки взяли – она-то сотни, тысячи раз проходила мимо ничем на первый взгляд непримечательного палисадника, и ни разу не заметила там ни следа живности. А вот Юлька, которая вообще-то проживает не на Абая-Правды, а в третьем Аксае, тут же завопила, что там бегает черная курица.

– А почему она че-о-орная? – спросила она у бабушки.

– Не знаю, – отмахнулась та.

– Потому что ее хозяйка – ведьма, – вдруг брякнула Надя.

Юлька удивленно ахнула и принялась задавать уточняющие вопросы. Они посыпались на Надю мелкими горошинками, и та, все больше увлекаясь, почти веря в то, что говорит, по дороге домой рассказала сестренке страшную историю про ведьму, которая пьет кровь черных кур. У нее раньше их было очень много, больше тысячи! И вот осталась одна, последняя…

– А зачем она пьет их кровь?

– Чтобы стать молодой.

– А ты ее видела?

– Видела.

– А какая она?

– Ну, такая… седаааая… со скрюченным нооосом…

Огромные, готовые испугаться карие Юлькины глаза стали еще больше:

– Надь… А че, кровь черных куриц ей разве не помогает стать молодой?

– Да нет, помогает, помогает, – спохватилась Надя, – она просто постепенно молодеет. Сперва на сто лет, потом еще на сто… Поняла?

– Поняла, поняла.

– А хочешь, мы… – тихо, чтобы не услышала идущая следом за ними бабушка, предложила Надя, – а давай своруем ведьмину курицу?

– Для чего?

– Я слышала, что у черных куриц черное мясо. И что оно намного вкуснее обычного, белого. Давай проверим?

– Давай! – в Юлькиных глазах вспыхнул восторг, – а когда?

– Сегодня ночью! Разбуди только меня!..

Надя сказала, и забыла. Юлька – нет.

***

Листья деревьев что-то шепчут. То ли ветерок их ласкает, то ли неожиданно расплакалось прохладным июньским дождем ночное небо. Сонно вскрикивает таинственная ночная птица. Ласково перешептываются яблони, протяжно скрипят умирающие ветви старого урюка. Сквозь форточку в комнату украдкой пробирается прохлада, и легонько колеблет занавеску.

Надина голова так и клонится к подушке. Ей совсем не хочется идти за курицей. Хочется спать… Юлька стоит на голом полу и жмется с ноги на ногу. Как всегда, она забыла надеть тапочки… А ведь только недавно болела!

Юлька вообще обладает талантом мгновенно простывать. Даже летом! Она заболевает и после мороженого, и после глотка воды, и даже просто так. И болеет всегда сильно, уколы приходится делать.

– Быстро залезай на кровать, – бесшумно зевая, строго говорит Надя.

– А куууурицу воровать?.. – в Юлькином голосе ни тени сна, но зато слышатся противные ноющие нотки. Еще один Юлькин безусловный талант – реветь. По поводу и без повода. И громко.

Почуяв опасность, Надя скороговоркой произносит:

– Я только что вспомнила. Надо полнолуния дождаться, только тогда можно. Иначе смысла нет.

– А сегодня не полнолуние?

– Нет.

– А когда оно будет? Завтра?

– Послезавтра.

– Нууу… Послезавтра я уже домой уеду…

– Спи, – приказывает Надя, закутывается в одеяло и отворачивается, – а то щас как Фредди Крюгер в окно влезет, будет тебе курица.

Юлька возмущенно сопит и еще какое-то время продолжает сверлить старшую сестру взглядом. Но страх перед Фредди Крюгером берет свое – Юлька опасливо косится в сторону окна и шустро забирается под одеяло к сестре. Повозившись немного, она засыпает. Кажется, даже быстрее, чем Надя.

***

Утром Надю будит Томка. Запрыгнув на диван-кровать, маленький, похожий на лису рыжий пес принимается деликатно и ответственно облизывать каждый пальчик на высунувшейся из-под одеяла хозяйкиной ноге.

Надменно-пузатый, ужасно горластый будильник показывает только семь утра. Но солнце уже высоко, собаке хочется гулять. А вот Надя, несмотря на данное маме обещание гулять с собакой «восемь раз в день», совсем не горит желанием куда-то идти. Еще не все сны рассказала ей подушка, да и утренняя прохлада совсем даже не бодрит, а пугает. Поспать бы еще полчасика хотя бы… Не в школу же. Девочка прячет ноги под одеяло, подтягивает колени к груди и скашивает глаза на пса.

Тот, ничуть не смутившись, принимается лизать Юлькину пятку. Сестренка дергает ногой, морщится, но продолжает сладко спать. На пухлых щеках беззащитная родинка, рот трогательно приоткрыт. Трогательно-то трогательно, но какой из него порой вырывается храп! Не детский и даже не женский. Мама шутит, что Юлька «храпит, как мужик».

Сине-желто-зеленое, свежее летнее утро пахнет оладушками, и поэтому сон потихоньку отступает. Как и блинчики, оладушки являются фирменным бабушкиным блюдом. Никто не готовит их так вкусно, как она.

Сказочные оладушки, мгновенно вырастающие на раскаленной сковородке до гигантских размеров, нужно есть сразу же, пока они свежие, иначе не то. Рот мгновенно наполняется слюной, Надя окончательно просыпается.

***

Как всегда, ни свет, ни заря проснувшаяся бабушка стоит у плиты. На ней старенькое домашнее платье, поверх которого повязан недавно купленный, до сих пор хрустящий и пахнущий магазином фартук. Это бордовое платье почему-то очень не нравится маме, она называет его «колхозным» и часто ссорится из-за него с бабушкой, но та упорно продолжает его носить.

Бабушкины волосы собраны в аккуратную «гульку» на затылке. Она печет оладушки и задумчиво, тихо глядит в окно. Каждый раз, когда Надя застает ее такой, как этим утром, на душе у нее почему-то сильно щемит.

– С добрым утром, баб, – здоровается она, плюхнувшись на стул.

– Выспалася? – Не оборачиваясь к внучке, отвечает бабушка, – давай ешь, и веди скоренько собаку. Она все углы ночью опять пообоссала…

Наде не хочется вести Томку в одиночку и, поглощая один за другим оладушки, она нетерпеливо прислушивается: не встала ли Юлька? Но в зале, где она спит, по-прежнему тихо.

Оладушки, оладушки… И как только вы получаетесь такими ровными и пышными – совсем как на картинке? У мамы они не такие. Они, конечно, тоже вкусные, но почему-то плоские, некрасивые.

Надя уже насытилась, но глаза не наелись. Она густо намазывает очередной оладушек ароматным яблочным, тоже бабушкиным вареньем, засовывает его в рот целиком и, прихлебывая чай, интересуется у бабушки, когда приедет мама.

– Сегодня должна, – отвечает бабушка, – ну, ты наелась? Веди давай собаку, а то она и нагадит тут.

В прихожей показывается Юлька. Неодетая, неумытая, взлохмаченная, со сном в каждом глазу, она вбегает на кухню, по-щенячьи бросается к столу и на ходу хватает горячий оладушек.

– Ыыый… Да ты умойся сперва, и причешись. Как чухысрака, а к столу лезешь! – Сердится бабушка, – и тапки обуй иди!

Но Юлька пропускает ее слова мимо ушей. Косясь в сторону прихожей, где Надя далеко не с первой попытки надевает ошейник с поводком на прыгающего от радости и нетерпения Томку, она торопливо (как бы без нее не ушли!) заглатывает несколько оладушек. Не допив остывший чай, Юлька громко благодарит бабушку и бежит одеваться.

– И-и! Куд-да ты? Вся морда же в варенье! Вымой сперва морду, а потом одевайся! – кричит бабушка на Юльку.

– Юльк, я тебя во дворе жду, – говорит Надя. Она выходит с собакой за дверь и бегом преодолевает несколько лестничных маршей.

Ее встречает уютный утренний двор. Тихая сень урючин скрывает игральные столы, за которыми местные картежники с раннего утра «режутся» в карты.

– Вот так тебе! – ревет могучим басом сосед Корнеич, швыряя замусоленные карты на стол.

– А я тебя вот так вот! Эн-на!..

Рядом с Надиным двадцатым стоит девятнадцатый дом. На втором этаже живет Катька Толстунова, закадычная Надина подруга. Дружат они, что называется, с песочницы – они именно там и познакомились.

Катька на год младше, но выше ростом и похожа на мальчишку. Ее светлые волосы коротко подстрижены, чтобы не было вшей, а над верхней губой находится небольшой шрамик – след от собачьих зубов. Катька умеет быстро бегать и лазить по деревьям, как обезьяна. Однажды дворовые ребятишки решили выяснить, кто быстрее залезет на дерево. Катька выбрала самое сложное дерево, сливу. Лихо перескакивая с ветки на ветку, она стремительно залезла почти на самый ее верх, что уже само по себе было верхом искусства. Но этого показалось Катьке мало. Ловко цепляясь за ветки, она перелезла со сливы на растущий рядом карагач, и триумфатором, под бурные аплодисменты зрителей, спустилась на землю.

А еще Катька всегда является инициатором интересных приключений. Если ее выпустят гулять, то, возможно, приключения будут и сегодня.

Надя подходит к Катькиному окну и зовет:

– Ка-тя!

Ждать приходится недолго. Вскоре в окне показывается стриженная Катькина голова.

– Выйдешь?

– Нет, – грустно отвечает Катька.

– Почему?

– Меня наказали.

– За что?

– Белку потеряла.

– Ну ты отпросись! Скажи, что мы вместе пойдем поищем…

– Папы с мамой дома нет.

– Ну так вообще классно! Выходи!

– Меня закрыли. В комнате.

– Блин…

Белка – это Катькина собака. Маленькая, белая, с небольшими темными пятнышками на спине и груди, имя она получила именно за окрас.

Однажды, когда Катька была у бабушки в деревне, а ее отец напился пьяный, Надя поймала за поводок мечущуюся по двору, напуганную и скулящую Белку, и, воспользовавшись

тем, что вернувшаяся из командировки мама крепко спит, а бабушка находится в Аксае у еще тогда совсем маленькой Юльки, приютила ее у себя дома и от души накормила колбасой.

В знак благодарности, собака уже глубокой ночью «заминировала» квартиру и, видимо, решив, что этого недостаточно, дабы еще больше порадовать спасителей, исполнила свой лучший сольный номер. Белка пела от души, пронзительно, с надрывом. В этом «Не пытай ты меня, барин, отчего грущу…", талантливо исполненном на собачий манер, была вся боль и тоска Белкиного народа.

И вот, Белка пропала… Катька говорит, что она ни с того, ни с сего вывернулась из ошейника и убежала.

– Ее, наверное, уже сожрали бомжи, – Катькин голос звучит уверенно.

– Жа-алко, – сочувственно говорит Надя. На сердце щемит от вдруг живо вставшего перед мысленным взором взгляда умных, тоскливых Белкиных глаз.

– Да, жалко, – вздыхает Катька, – хотя, может, и не сожрали. Может, знаешь, она прибежит еще. Как в тот раз.

– А что, прибегала уже? – Оживляется ободренная Надя.

– Ну да. Однажды она от папы убежала. Ну, когда он… – тут Катька смущается и прерывает себя на полуслове, но потом, подумав, продолжает – воот… А потом прибежала. Сама.

Не очень-то удобно разговаривать, задрав голову вверх. Наде хочется, чтобы Катька стояла прямо здесь, рядом с ней. Вдруг ей в голову приходит гениальная идея.

– Слушай… – говорит она, – а давай, ты из окна вылезешь? Немного погуляем, а потом обратно залезешь.

Катька задумывается, с видом знатока меряет взглядом расстояние от окна до земли и, наконец, решается:

– Можно. Только у меня веревки нет… Но я сейчас что-нибудь придумаю.

Катька скрывается в комнате, и Надя слышит, как она там возится, как стучит выдвижными деревянными ящиками. Из подъезда выскакивает Юлька. Надя окликает ее, и сестренка подбегает к ней. Ее довольное лицо чисто умыто, а светлые волосы заплетены бабушкой в аккуратную косичку.

– Куда пойдем? – В карих глазах Юльки тоже горит жажда приключений.

– Не знаю, как Катя скажет. Вот только спустится, и пойдем куда-нибудь. – В двух словах Надя объясняет сестренке, в чем дело, и Юлька тут же становится активной участницей событий.

– Слушай! – говорит она Катьке, – а ты простыни попробуй связать! Тогда точно до земли хватит!

– А это идея, – говорит, взвесив новое предложение, Катька.

И начинается операция «Побег». Катька крепко связывает концы двух простыней и демонстрирует навороченный «морской» узел сестрам – так, мол? Те одобряют.

– Теперь что? – Спрашивает Катька.

– Теперь, короче, берешь, и обвязываешь одним концом простыни раму, – инструктирует Юлька, – я кино такое видела, американское, там один дядька так спускался… Только ты крепче узел делай, а то упадешь.

– Ага, – кивает Катька и послушно обвязывает оконный профиль. – Вот так, да?

Катькины манипуляции так уверенны, как будто она тысячи раз спускалась таким образом из окна, но наблюдающей за ней Наде почему-то становится не по себе.

– Подожди! – Останавливает она подругу, – а ты точно уверена, что узел крепкий?

– Да точно, точно! – Катьке не терпится на волю. Она спускает конец простыни вниз и становится на подоконник. Катька начисто лишена страха, но у Нади глядя на нее пересыхает в горле.

– Кать… А может, ты лучше по дереву попробуешь? А?.. – Робко спрашивает она.

Рядом с Катькиным окном растет молодая яблонька. Катька придирчиво измеряет взглядом расстояние от окна до деревца, прикидывает силы и, наконец, решается:

– Можно.

Вдруг она замирает, прислушивается. Изменившись в лице, она быстро-быстро затягивает простыни в комнату.

– Ты че? – В голос спрашивают удивленные сестры.

– Папа с мамой, – тихо, одними губами произносит Катька.

– Вот и классно, – облегченно выдыхает Надя, – отпросишься теперь.

– Ага, я попробую, – кивает Катька и исчезает в окне.

– Скрести пальцы, – говорит Надя Юльке, и сама следует своему совету. Пытается для верности скрестить пальцы и на ногах, но не получается.

Через несколько минут в окне опять появляется Катькина голова.

– Ну что?

– Не, не пускают… – грустно выдыхает Катька, – до завтра я наказана.

Ну что тут поделаешь?

– Ну ладно, – вздыхает Надя, – тогда мы пойдем.

– А вы куда? – Поджарая Катька, с ее стриженной головой и мальчишескими скулами, сейчас немного похожа на романтичного киношного узника. В ее приглушенном голосе слышится душераздирающая тоска по свободе.

– На «резинку», наверное.

– А. Ну давайте.

Прямо за домом находится полянка, на которой благодушно царствует гигантский трехствольный тополь. Его окружают дикие урючины и яблони, а под их сенью находится тихое, уютное место для игр. В выходные и каникулярные дни дворовые дети часто строят там шалаши и пекут на углях картошку. А в августе-сентябре вырастают до гигантских размеров водянистые, почти сладкие яблоки. Их тоже готовят на углях и с наслаждением съедают.

За перекрестком находится школа, а на школьной территории – резиновое поле, в просторечье «резинка». За полем – гаражи, на крышах которых, на горе сторожей, играет вся окрестная детвора. А чуть поодаль от гаражей, за теннисным полем, стоит большой недостроенный Дом.

2.

Вообще-то, к Дому идут две дороги. По одной из них, ведущей через детскую поликлинику и Дворец АХБК, широкой и комфортной, ходят взрослые. Дети же предпочитают другую, узкую и опасную.

Попасть на нее можно, «нырнув» в дыру в высоком бетонном заборе, который разделяет резиновое поле и гаражи. Это мрачное, заброшенное место, заросшее высокими сорняками. У молча пробирающихся сквозь эти «джунгли» детей невольно пробуждаются неведомые древние инстинкты.

Наконец бетонная стена остается позади. Надя и Юлька смотрят друг на друга с гордостью первопроходцев. Эта дыра, эта стена, и эта тропка принадлежат только им и Катьке.

– У тебя на голове паутина с дохлым пауком.

– Ма-амочки!.. А на тебе жук!..

– Гедость кекея… Фу, нет, это всего лишь ошметок коры…

Взвизгивая, фыркая, судорожно отряхивая одежду, девочки отходят от тропки подальше. И замирают в невольном, непонятном, почти мистическом благоговении: перед ними вырастает Дом.

Выставив на них свои мрачные черные глазницы, он застыл в угрюмом молчании. Он их явно не ждал и не радуется их приходу. Это злой Дом, не желающий отдавать свои тайны.

И не стоит даже пытаться забрать их – это мстительный Дом, и он непременно жестоко покарает за дерзость.

Дом подавляет, но и вызывает интерес. Это коварный Дом. Он точно говорит: «Не подходи ко мне и не заглядывай внутрь», и тут же приковывает тебя к месту своим властным взглядом.

Когда-то здесь велась стройка. Те плиты и блоки, которые еще не успели украсть, до сих пор сложены аккуратной стопкой. Почему строительство Дома было остановлено, неизвестно. По легенде, строители убежали, чего-то сильно испугавшись.

Стряхнув оцепенение, девочки подходят к Дому ближе, с благоговейным ужасом обходят его с другой стороны и, наконец, устраиваются на давно облюбованной прохладной плите. Ненадолго воцаряется молчание. За находящимся неподалеку Дворцом АХБК шумит, ревет и бурлит страшная улица Шаляпина. Но рядом с Домом привычно тихо. Такая тишина обычно и порождает причудливые мрачные сказки.

– Посмотри вон в то окно, – негромко говорит Надя, и Юлькины быстрые глаза устремляются за указательным пальцем сестры наверх. – Видишь?

– Нет… – поддавшись настроению сестры, шепчет Юлька, – а что там, Надь?

– Огонек промелькнул. Красненький… Смотри, смотри!.. Видишь?

– Теперь – да… О, вот он!..

– Да тише ты…

– А что это за огонек?

– Рассказать? – Тоже переходит на шепот Надя. – А ты не будешь ночью бояться?

– Расскажи! Не буду…

– Ну, смотри. Короче, год назад двое дядек ограбили банк и решили спрятать тут деньги. Они пришли сюда ночью, зашли в Дом и поднялись на самый верхний этаж, вон туда. Когда клад был закопан, один из этих дядек подумал: «А чего это я буду делиться деньгами с ним?» И, короче, зарезал своего сообщника, и закопал там же… – Надя смотрит на сестренку в ожидании реакции. Юлькины глаза широко раскрыты, зрачки расширены – она жадно впитывает каждое слово сестры. – Вооот… Ну, короче, потом он стал спускаться по лестнице, но его точно толкнуло что-то в спину. Он упал и сломал себе шею, спину, руки, ноги…

– И голову… – эхом откликается ерзающая от страха Юлька.

– Голову не ломают, балда. Только сотрясение мозга может быть…

– А у меня было сотрясение мозга, – Юлька говорит так, словно сообщает важную новость, хотя об этом знают все. Легкое сотрясение случилось полгода назад, когда сбылись мрачные предсказания родственников, и Юлька, по привычке качаясь дома на стуле, таки грохнулась с него.

– Блин. Да не перебивай ты! – строго одергивает сестренку Надя.

– А он умер?

– Ну конечно, умер! Ты бы не умерла?! – Надя сурово смотрит на сестренку и сердится, – да не перебивай же, блин! Ну все, не буду рассказывать.

Юлька молчит. Дом давит на девочек, рядом с ним страшно. Но они не уходят. Вдруг Юльку привлекает какой-то блеск в щели между стройматериалами. Она легко соскальзывает с плиты, осторожно, точно двигаясь по минному полю, подходит к искусственной «горе», затем, осмелев, опускается на колени и шарит в щели рукой. Ее глаза сосредоточенно блестят, лицо напрягается, и, глядя на нее, почему-то напрягается и Надя. А если это ценность? И нашел ее кто? Юлька!..

Ухватив, наконец, добычу, Юлька встает с колен, раскрывает ладонь и ее лицо кривится – у нее в руке обломок из-под желтой пивной бутылки. Еще недавно они с Надей собирали такие же бутылки из-под «Жигулевского», сдавали, а на вырученные деньги катались на каруселях в парке.

– А ты думала, это клад? – Смеется Надя, чувствуя невероятное облегчение.

Юлька косится на Дом. Ей страшно, но одновременно хочется услышать продолжение истории. Вспомнив, что сейчас она находится в немилости у рассказчицы, она вопросительно заглядывает ей в глаза. Но Надя и сама горит желанием досказать историю до конца.

– Вот, короче… Но душа этого дядьки, ну, который с лестницы навернулся, не нашла успокоения. И каждую ночь, ровно в двенадцать часов, из этого Дома слышатся стоны и крики.

– Ужас… – Юльку передергивает. – А что означают эти красные огоньки?

– Это души тех разбойников, что зарыли здесь клад. Они охраняют его, понимаешь?

Юлька задирает голову и настороженно смотрит в черное окно.

– Давай уйдем отсюда? – Наконец предлагает она.

– Боишься? – Улыбается Надя. Ей и самой не по себе, но предлагать уходить от Дома первой (и кому? Младшей сестре!) совсем не хочется.

– Нет, просто холодно здесь, – ежится Юлька, – я не хочу опять болеть, чтобы мне уколы делали. Знаешь, как больно?

С этой стороны Дома и правда прохладно и как-то влажно.

– Хорошо, пойдем.

Они уходят. Дом провожает их недобрым взглядом. Отойдя на безопасное расстояние, девочки, не сговариваясь, оглядываются. В одном из окон показывается чье-то лицо и тут же пропадает.

– Ма..мо… чки… – шепчет побелевшими губами Юлька.

– Бежим! – Надя хватает ее за руку и увлекает за собой.

Убегают они уже не по тропке, по которой пришли – там особо не разбежишься, а по «взрослой» дороге. Рядом с детской поликлиникой длинноногая Юлька останавливается и хватается рукой за грудь:

– Подожди… Не могу больше, у меня сейчас сердце выпрыгнет. Ужас, да? Ты видела?!

– Да…

– Маме расскажем?

– Не надо. Не поверит, да еще и накажет за то, что со двора ушли.

Потихоньку девочки успокаиваются. Рядом с поликлиникой власть Дома постепенно слабеет.

Торопливым шагом сестры спускаются по бетонной лестнице к школе. Надя раздумывает над тем, чтобы поведать сестренке о том, что раньше, еще до войны, на месте школы было кладбище и они, возможно, сейчас идут по могилам, но потом решает, что все же не стоит. В глубине Юлькиных глаз и без того все еще щетинится страх.

3.

– Ма, ты в Аксай сегодня во сколько едешь? – Спрашивает за завтраком несколько дней спустя мама бабушку.

– В Аксай?.. – Бабушкины подслеповатые глаза, окаймленные светлыми короткими ресницами, часто и недоуменно моргают.

– В Аксай. Тебе, разве, Алка не говорила?

– Нет, ниче она мне не говорила.

– Она передать что-то через тебя Наде хотела. Шмотки какие-то из Германии.

– Ниче она мне не говорила… – бурчит бабушка и, помолчав, глубоко вздыхает. – И сёдни надо ехать?

– Да. Пожалуйста. – В голосе мамы появляются просящие нотки, – пожалуйста, ма…

Бабушка молча кивает, затем задерживает взгляд на Наде:

– Ее тоже брать?

– Поедешь с бабой в Аксай? – Спрашивает мама.

– Зачем? – Хмурится Надя, чувствуя неладное.

– Тетя Аля хотела сегодня повести вас с Юленькой в ТЮЗ.

– Не хочу я идти с тетей Алей в ТЮЗ.

– Там интересно будет. Приехали московские артисты, привезли с собой каких-то кукол с огромными головами. В общем, там будет невероятно интересное представление. Алка еле-еле билеты достала, страшно дорогие. Короче, собирайся. Я уже продумала, что ты наденешь. Надень…

– Да не хочу я ни в какой ТЮЗ! – Злится Надя.

– Не хочешь?.. – Мама, кажется, готова сдаться, но новая мысль приходит ей в голову, и она продолжает натиск. – Так, не капризничай. Билет пропадет, Алка мне этого не простит.

– Не пропадет… Простит… – Пытается сопротивляться Надя, и, наконец, взвывает, – ну почему-у-у?! Вместо меня нельзя Кристинку взять, что ли? И вообще, зачем было покупать на меня билет, если не знаешь, пойду я в этот говняный ТЮЗ, или нет?!

– Надя, перестань. И не произноси плохих слов. Поезжай, потом жалеть же будешь. Да и Юленька будет плакать, она тебя уже ждет.

– Ну и пусть плачет. Не поеду я ни в какой Аксай! – Надя и сама готова расплакаться от злости.

– Нет, поедешь! – Сердится и мама.

– Не поеду!

– Поедешь!

– Не поеду! Не поеду! Не поеду!

– Оставь ее, – просит бабушка, – не хочет езжать, пущай остается.

Мама строго смотрит на надувшуюся Надю, уголки ее губ поджимаются:

– Ну, смотри.

Чувство, что сегодня произойдет что-то нехорошее, переполняет Надю. В голове появляется мысль, что, возможно, стоит согласиться и поехать с бабушкой в Аксай, но тут же дает о себе знать врожденная упертость. Да и перспектива идти куда-то там с тетей Алей никак не радует.

Тетя Аля – это мамина родная старшая сестра и Юлькина мама. Она умеет доставать разные заграничные вещи, а летом старается выхлопотать бесплатные путевки в санаторий для детей. А мама и бабушка никогда не отказывают тете Але, когда она просит присмотреть за Юлькой или забрать ее на Абая-Правды. Такое бывает довольно часто.

Как и Надя, Юлька растет без отца. Но если Надина мама была когда-то замужем, то тетя Аля всегда вела холостую жизнь. Надя только однажды видела Юлькиного отца. Высокий, смуглый. Мама говорила, что он грек.

– Почему он не живет с ними? – Спросила как-то Надя.

– Потому что он… живет в другом месте… – Сумрачно ответила мама.

Потом, уже от Юльки, Надя узнала, что у дяди Жоры в Греции есть другая семья. Ее эта новость ввергла в настоящий шок, но сестренка бесхитростно пояснила, что папами надо делиться – там, в Греции, его тоже очень любят. Надя себе представляет, что с ними будет, если она заберет его себе полностью?!

Юлька похожа на дядю Жору. Она обещает быть высокой, у нее большие карие глаза и «породистый» греческий нос. Только кожа и волосы у нее светлые, тети Алины.

Закончив завтрак, Надя плетется в бабушкину комнату. Бабушка неторопливо собирается в Аксай – кладет в пакет две смены белья, вязание, пересчитывает деньги в кошельке.

– Баб, ты разве с ночевкой? – Тихо спрашивает Надя. Чувство, похожее на то, которое она всегда ощущает, находясь рядом с Домом, какое-то нехорошее, злое, липкое чувство, потихоньку захватывает ее целиком.

– Да, с ночевкой, на две ночи. – Так же тихо отвечает бабушка. – Может, все же поедешь со мной?.. Поехали!

Надя колеблется. Она уже не чувствует, она *знает,* что пожалеет о том, что не поехала. И все равно упрямится:

– Нет. Если что, я сама к тебе приеду в Аксай. На шестьдесят шестой же надо садиться, да?

– Не вздумай! – Строго говорит бабушка, – ишь, чего удумала… Не вздумай езжать одна! – Тяжело, с расстановками, произносит она. – Собирайся давай, поехали вместе.

– Нееет… там тетя Аааля… – хнычет Надя.

– Ну и что, что тетя Аля? Съест она тебя, что ли?

Съесть, конечно, не съест. Тетя Аля относится к ней вполне дружелюбно и, пусть по-своему, но все-таки любит. Никогда не забывает о ней, когда возвращается из-за границы.

Как-то она привезла ей из Германии невиданное лакомство – жвачку «Турбо». Было это года четыре назад, Надя тогда еще в садик ходила.

Она тогда долго обнюхивала маленькую, пахнущую бананом и клубникой пластинку, завернутую в гладкий блестящий фантик. Наконец, с превеликим трепетом развернув фантик, она отгрызла от белой пластинки кусочек. Вкус был так себе, настоящие банан и клубника вкуснее. Но это же жвачка! Настоящая! И она не кончается, как конфета… Предложив половинку маме, Надя засунула оставшуюся половину в рот.

Жвачка не закончилась – закончился ее вкус. Жевать ее стало неинтересно. А немногим позже, несколько дней спустя, замусоленная жвачка превратилась во что-то серое, мерзкое, липкое, с ярким привкусом слюны. Но зато остался фантик… и настоящее сокровище – вкладыш с машиной. Надя хранит его, и он, даже сильно потрепанный временем, до сих пор пахнет бананом и клубникой…

Тетя Аля похожа на небольшую кошечку. У нее даже голос кошачий. Она не смеется, а фыркает. У нее мелкие ровные зубки, прищуренные серые глаза, а в лице есть что-то неуловимо-хищное.

Наде тяжко находиться рядом с теткой даже тогда, когда та в хорошем настроении. Почему-то ей кажется, что хорошее теткино настроение вот-вот закончится, а потом последует взрыв. Такое уже было, и не раз. Тетя Аля умеет, не повышая голоса, надавить на болевые точки, из-за чего бабушка плачет, а мама всерьез сердится, но умеет разбушеваться так, что становится по-настоящему страшно. Обычно буря настигает не маму, бабушку или Надю, а Юльку. Порой ей сильно достается из-за сущих пустяков.

Когда мама с тетей Алей ругаются, в устах последней часто звучит «Подумай о ребенке!». Как будто мама о ней не думает…

– Не поеду…

– Ну, как знаешь, – бабушка обреченно машет на нее рукой, идет в коридор, обувается, затем вдруг останавливается в дверях и вполголоса добавляет, – если что, звони.

***

Бабушка уехала, и Наде стало тоскливо. Она идет на кухню, где вкусно пахнет жареным мясом.

– Раз ты осталась, сбегай в магазин и купи хлеба – просит мама.

– Хлеба и все?

– Да.

– А потом можно погулять?

– Да. Только недалеко. И с Томкой.

– Ну маааам… Ну давай, я его выгуляю и заведу. А потом сама, а?

– Ну ладно…

Подозрительно сговорчива она сегодня. Надя собирается в магазин и слышит, как тренькает телефон. Мама не подбегает – подлетает к нему и хватает трубку:

– Да… – выдержав паузу и рассмеявшись на чью-то шутку, она говорит дальше. Голос ее как-то странно меняется, – давай… жду… Уже все готово. Инструменты же не забудь!

Надя так и застывает с кроссовкой в руках, ее сердце мучительно сжимается. Так она и знала…

Счастливая мама появляется в прихожей и грациозно проплывает мимо Нади на кухню.

– Что, *он* придет, да? – сердито спрашивает девочка, сверля взглядом мамину спину.

– Да, я пригласила дядю Рината, – взволнованно отвечает мама.

– Зачем?

– В прихожей розетка сгорела.

Надя, морщась, выдыхает:

– Он придет, сделает, и уйдет?

– Да. Кстати… – мама улыбается, – знаешь, даже хорошо, что ты не поехала в Аксай. Завтра мы с тобой на барахолку пойдем. Я в Детском мире видела штанцы на тебя, но там дорого, а Симонова говорит, что на барахолке дешевле.

– Какие штанцы? – У Нади невольно загораются глаза.

– Ну, такие… красивые…

– Джинсы?!.. – Ахает она.

– Кажется, да.

– Ой, как классно!

– Давай, беги в магазин уже.

И Надя убегает. Может быть, все будет не так плохо, как ей кажется?

4.

Он вскоре появляется. Вслед за мамой, Надя тоже называет *его* Ринатиком, хотя мама всегда строго поправляет ее и требует, чтобы она называла его *дядей* Ринатом.

Но Надин язык попросту не поворачивается выдавить это фальшивое «дядя». Ринатик, и все.

Надя знает его давно. Кажется, она еще в садик ходила, когда он появился у них дома. Стоит сказать, что, будучи маленькой, она сильно страдала, видя, как других детей из садика забирают и мамы, и папы. Ее папа жил далеко, в России, но его для нее все равно, что не было. Когда мама спрашивала, «хочешь, чтобы у нас был папа?», она всегда отвечала «да». И однажды рядом с ее красивой мамой появился гипотетический «папа». Большой и добрый. Надя хорошо помнит, как однажды он взял их с мамой за руки и повел на барахолку. У нее в руках было маленькое синее игрушечное ведерко. По мере следования по барахолке, к ведерку опускалась большая добрая рука и клала туда всякие вкусности – жвачки, шоколадки, конфетки… Вскоре ведерко было наполнено до краев. Надя часть съела, часть поделила с мамой, а часть раздала в садике.

Но Надя любила его вовсе не за вкусности. Он был добрый, рядом с ним было хорошо и спокойно. И так продолжалось долго. А потом в Надин маленький мирок ворвался он, Ринатик. Когда он появился, тот, другой, исчез и не появлялся больше никогда.

Сперва на Надин вопрос о том, куда девался тот «папа», мама давала смутные, неясные, вязкие, как тесто для оладушек, ответы. Он уехал, но приедет. Не сейчас, а попозже. У него там работа, дела…

И только потом Надя стала что-то понимать. Сперва смутно, а потом, с каждым разом, с каждым годом все четче и яснее. Маме не нужно было ничего говорить – Надя все видела сама. Ответ был в ее сияющих глазах, в ее голосе, когда она случайно роняла в разговоре имя Ринатика, в ее движениях, когда она ждала его, в ее запахе.

Ответ был и в нем тоже. В его ботинках, аккуратно поставленных рядом с маминими туфлями, в сиротливо лежащем у двери прихожей пакете с инструментами, в его смехе, в его белых зубах, в его улыбающемся смуглом лице.

Ответ был во всем. В бутылке водки, в беспорядке лежащих на столе хлебных корочках, в смятых тарелках с оставшимся на них мясом. В отсутствии бабушки. В разбросанных тапочках, в расставленных в беспорядке стульях, в задвинутых занавесках. В закрытой двери и приглушенно-морковном свете, который царил там. В странных горловых звуках, которые как бы нехотя выпускала комната.

Шоколадно-конфетные улыбки, когда оба смотрели на Надю, какой-то игрушечный тон, которым они обращались друг к другу, смешные, напряженно-неестественные позы обоих, когда Надя наблюдала за ними – все было обман, обман. Настоящее творилось за дверью в бабушкину комнату. Однажды Надя набралась смелости и, движимая мучительно-болезненным любопытством, заглянула туда.

Они спали. Его черная голова покоилась на подушке. Он обнимал маму так, как будто она была его собственностью – руками и ногами. Он был голый. И мама тоже была голая. И вид их переплетенных фигур казался неестественным, неправильным, то ли страшным, то ли смешным. Надя смотрела, как завороженная. Вдруг Ринатик, будучи все еще под властью сна, снял с мамы ногу и подтянул голые колени к груди. Между ног у него Надя заметила какую-то длинную штуку. Испугавшись, она поспешно закрыла дверь.

И когда мама говорила, что «дядя Ринат» придет, чтобы починить светильник или повесить новую люстру – все было не то, не то. Надя знала, что «дядя Ринат» принесет с собой не только инструменты, но и водку, после которой мама станет другой, другой…

Казалось бы, с приходом «дяди Рината» у Нади появлялся «Сникерс», свобода и мамины «да» на все просьбы. Казалось бы, чего еще надо? Проблема заключалась в том, что такая мама переставала быть мамой – требовательной, но веселой и доброй, строгой, но любящей и всепрощающей. Она становилась неестественной, неприятной, фальшивой «Юлькой», как называл ее Ринатик.

Однажды мама поняла, что Надя знает. Честно говоря, Надя тогда немного испугалась – и того, что мама наконец скажет, что Ринатик теперь ее, Надин, «папа» и так будет всегда, и того, что, пытаясь объяснить ей, что происходит, только больше запутается в обмане, вновь станет фальшивой, мертвой внутри куклой Юлькой. Но мама предпочла промолчать. Она узнала, что Надя *знает.* И все.

***

– Надежда, здор**о**во! – как всегда, жизнерадостно сказал Ринатик, переобуваясь в тапки.

– Привет, – бурчит Надя.

– На-деж-да, мой ком-пас земной, – поет Ринатик, – как дела?

– Хорошо.

– Каникулы? Отдыхаешь?

– Да.

Он тоже давно *знает,* что она знает.

– Ну и молодец.

И Ринатик идет на кухню к маме. Надя собирается на улицу.

– Мам, я гулять.

– Давай, только недолго, – отвечает ей кукла Юлька. Все, Нади для нее уже нет. Теперь до вечера ее будет интересовать только Ринатик, Ринатик и Ринатик.

Надя надевает ошейник с поводком на Томку и вприпрыжку сбегает в двор. В голове как нельзя некстати звучит навеянное Ринатиком «Надежда, *мой конь подземн**о**й»* – так и только так слышит Надя эту песню.

5.

– Ка-тя! – зовет Надя, стоя по окном девятнадцатого дома.

Катькина голова тут же высовывается.

– Привет. Выйдешь?

– Не знаю. Щас спрошу.

Томка увлеченно нюхает какую-то травинку, затем деловито и немного презрительно «делает дела». Катька вскоре появляется:

– Я покушаю и выйду.

– Давай! – Радуется Надя.

Кстати, Белка нашлась. Ее привели тогда Катькины родители.

Катька скоро выходит и на ходу доедает кусок белого хлеба, густо намазанный аджикой-«жоподэром». Надя вспоминает про мясо, которое смачно жарилось дома на сковородке, и сглатывает слюну. Конечно, мама предложила ей пообедать, но сидеть за одним столом с Ринатиком ей, по понятным причинам, совсем не хочется. В кармане шорт находится не отданная сдача. Мелочь, но на пару пачек печенья должно хватить.

– Куда пойдем? – спрашивает Катька.

– Давай к тому Дому?

– Давай.

– Только я Томку сейчас отведу.

***

Катька ждет ее у подъезда. В ее светлых волосах запутался солнечный лучик, левая коленка со вчерашней ссадиной наспех перевязана неумелой детской рукой. Катька девчушка миловидная, а сейчас даже стала не такой чумазой, как раньше, когда обе подружки еще под стол пешком ходили.

Катька растет сорняком, хотя у нее есть и отец, и мать, и даже два старших брата, Андрей и Сергей. Просто Катькина мама, как она сама говорит, надрывается на двух работах, а отец, когда не работает, сильно пьет. Взрослым (одному пятнадцать, второму шестнадцать) Андрею и Сергею, уж конечно, не до Катьки.

Надя влюблена в Катьку. С ней интересно, хотя приключения у девочек всегда достаточно опасные. Надиной маме не шибко нравится эта дружба, она считает, что Катька плохо влияет на дочь. А вот Катькина мама, тетя Тамара, наоборот, поощряет их общение. Ей кажется, что Катька может многому научиться у домашней Нади.

Но получается почему-то наоборот. Это Катька научила Надю лазить по деревьям, это Катька привила ей любовь к рогаткам, луку со стрелами, воздушным пистолетам, к игре «Казаки-разбойники», это именно Катька всегда соблазняет ее на дальние путешествия. Дальние – это за территорию разрешенного пространства, куда-нибудь в парк или даже на базар, или, вот, к Дому. Даже четырех-пятилетняя, Катька убегала со двора.

Однажды, когда Надя была еще маленькой, Катька прибежала к воротам ее детского садика. Он находился (и сейчас находится) через двор от Надиного дома. Увидев подругу, Надя и удивилась, и обрадовалась:

– Ты че тут делаешь?!

– Гуляю, – независимо ответила Катька, – а ты?

– И мы гуляем… – вздохнула Надя, покосившись на воспитательницу. И тоскливо добавила – Так хочу уйти отсюда…

Катька, прищурившись, дерзко смотрела на подругу, тоскливо сжимающую пальчиками сетку разделяющего их забора.

– А ты убеги, – посоветовала она.

– А как?

– Перелезь через забор, да и все.

Наде было совестно признаться, что она не умеет лазит через забор. Но и отказываться от Катьки не было сил.

– А давай, *ты* сюда перелезешь? – Вдруг предложила она.

В зеленых Катькиных глазах на миг появилась тень сомнения:

– А че… а разве можно?

– Можно, можно! – Разрешила Надя, которую все больше охватывал какой-то странный азарт, – давай, пока воспитательница не видит. Ну!

Катька еще секунду постояла, подумала, но потом все же решилась. Быстро и ловко взобралась по сетке, перекинула ногу на Надину сторону, и спустилась вниз.

– Как здорово! Какая ты молодец! – Хлопала от восторга в ладоши Надя. – Ну, пойдем, я тебя с ребятами познакомлю.

Катька удивительно быстро влилась в детский коллектив. Даже пацаны вдруг признали в ней вожака и почти беспрекословно подчинялись ее приказам. Наконец, время прогулки подошло к концу, и воспитательница громко просила детей построиться парами. Надя крепко сжала Катькину ладошку. Сердце ее взволнованно стучало.

– Слушай… – прошептала Катька, наблюдавшая за воспитательницей, пересчитывающей детей, – а может… а может, я лучше пойду, а?

– Нет, ты че! – Зашипела Надя, – сейчас нас кормить будут. Ты есть хочешь?

– Да…

– А у нас полдник. Не уходи! – И Надя еще крепче сжала руку подруги.

– Ладно, ладно, – сказала Катька. – А не прогонят?

– Неа, воспитательница добрая.

В раздевалке Надя подвела Катьку к своему шкафчику. У Катьки, само собой, не было сменки, и Надя решила пожертвовать ей свои чешки. Катька присела на корточки, принялась развязывать бантики на своих ботинках. Но пальцы слушались ее плохо.

– Давай, помогу, – опустилась рядом с подругой Надя. Глядя на непривычно притихшую, растерявшуюся Катьку, она вдруг впервые почувствовала себя старшей.

Увлекшись переобуванием, девочки и не заметили подошедшую к ним няню.

– А эт-то что за девочка? – Удивленно прогудела нянечка.

В раздевалке установилась тишина. Катька смотрела на нянечку огромными испуганными глазами и молчала.

– Ты как сюда попала? – Подступилась к ней нянечка.

– Это я ее привела, – строго сказала Надя.

– Как – привела?! – всплеснула руками нянечка.

– Просто привела.

Тут в раздевалку прибежала воспитательница. Взрослые начали шуметь над головами девочек, а Надя, сжимая влажную Катькину ладошку, взглядом пыталась подбодрить ее. В конце концов решено было Катьку изъять. Воспитательница решительно оттеснила Надю и присела на корточки перед Катькой:

– Как тебя зовут? – Спокойно, дружелюбно спросила она.

– Катя, – еле слышно ответила Катька, упорно глядя в пол.

– Ты где живешь?

Тут Катька, что называется, проглотила язык и угостила воспитательницу диким, тупым взглядом.

– Рядом со мной, – встряла все больше и больше беспокоящаяся Надя.

– Катюша, дома есть кто-нибудь?

– Да.

– Кто?

– Папка.

– Телефон домашний знаешь? – с глухой безысходностью в глазах, спросила воспитательница.

Катька отрицательно мотнула головой.

– А адрес домашний?

«Скажи, что нет, скажи, что нет» – мысленно молила Надя, гипнотизируя подругу. Но тут не поддающаяся гипнозу Катька всех удивила, сказав, что знает.

– Ну вот и хорошо, – с явным облегчением улыбнулась воспитательница, – сейчас Катюша домой пойдет, да?

Катька, тоже испытывая облегчение, робко улыбнулась и закивала головой. Тут Надя не выдержала и расплакалась:

– Нееееет! – Давясь злыми слезами, заголосила она басом, – это мояааа Кааааатя… Аааааааа…

Но нянечка потянула ее за руку и, несмотря на рыдания, несмотря на то, что она отчаянно рвалась к подруге, безжалостно увела в группу.

Позже от Катьки Надя узнала, что взрослые каким-то образом разыскали ее домашний телефон. Отец, который, несмотря на выходной, почему-то не был пьян, быстро забрал Катьку и хорошенько наказал дома. После этого инцидента подруги долго не виделись.

***

Сейчас рядом с Надей другая, повзрослевшая Катька. Именно ей принадлежит открытие Дома. Она берет протянутое Надей печенье и с удовольствием хрустит им по дороге.

И вот, Дом смотрит на них. Он как будто стал еще более мрачным, более зловещим. Надя как завороженная смотрит на плющ, разросшийся почти до самого верха Дома, и вновь, как всегда, чувствует его гипнотическую власть.

– Ты когда-нибудь заглядывала внутрь? – Шепотом спрашивает Надя.

– Нет, – таким же шепотом отвечает Катька. Рядом с Домом даже она кажется другой, подавленной, не совсем собой.

– А давай… заглянем?

Девочки испытующе смотрят друг на друга. Заглянуть в нутро Дома – это не через забор садика перелезть. Это настоящий вызов смелости и дерзости.

– Давай, – соглашается Катька.

Девочки робко смотрят на Дом, словно спрашивая согласия. Нет, согласия он не дает. Он грозно хмурится, он предупреждает. Отойдите, не то плохо будет. Отойдите, дерзкие, пока не поздно.

Наконец, Катька решается. Стараясь двигаться бесшумно, она идет вперед. Надя – за ней, как тень, повторяя все ее движения.

Нижнее черное окно щетинится осколком битого стекла, Дом возмущенно нависает над ними, как рассерженный старик, готовый ударить. «Не подходите!» – безмолвно кричит он. И девочки и рады бы остановиться, рады бы подчиниться приказу, но они точно загипнотизированы властной чернотой окна, которая манит их все ближе.

Под ноги Наде попадается стеклышко и лопается. Дом слышит этот треск, и он ему не нравится. Где-то, в самой его глубине, в самом черном углу, о котором и подумать страшно, слышится странный сдавленный звук.

Это отрезвляет девочек. Вздрогнув, как лань, Катька с места бросается бежать. Надя – за ней. Дом еще долго грозно смотрит им вслед.

Отбежав на безопасное расстояние, девочки переводят дух.

– Слышала? – Спрашивает Надя.

Катька молча кивает.

– Тот раз мы с Юлькой видели чье-то лицо, – Надя показывает наверх, – во-он там.

Потихоньку страх отступает. Удостоверившись, что девочки больше не подойдут, Дом успокаивается и погружается в мрачную дрему. Но подругам ясно, что он всегда настороже.

– Давай построим шалаш? – Вдруг предлагает Катька.

– Давай! А где?

– Прямо здесь.

Надя осматривается. Место ей нравится – тихо, никто здесь не ходит, и уж наверняка шалаш не порушат. Да и Дом отсюда хорошо видно. Можно спокойно наблюдать за его мрачными окнами, которые отсюда кажутся маленькими и совсем почти нестрашными.

И закипает работа. Катька – и инженер, и прораб, и подрядчик. Надя – добытчик и исполнитель. Она приносит ветки и доски, Катька тут же находит им применение.

– Постарайся найти знаешь, что?.. – Катька сосредоточенно морщит лоб и критически смотрит на проделанную работу. Чуть больше часа только прошло, а шалаш уже обретает форму и становится похож на небольшой домик.

– Найди, короче, фанерину. Вот такую примерно, – Катька руками показывает размер.

– Ага, я щас.

Найти фанерину на заброшенном участке несложно. Здесь вообще, чего только нет. И доски, и покрышки, и классные сухие ветки для шалаша. Даже раскладушку тут как-то видели.

Надя останавливается над большим куском фанеры, подходящей по описанию. Затем берется за него кончиками пальцев, приподнимает и брезгливо, как жизнью наученный человек, заглядывает под нее. Однажды они с Катькой строили шалаш во дворе. Поглощенная поисками подходящего материала, Надя наткнулась на симпатичную деревянную коробочку, которая вполне могла пригодиться в хозяйстве. Она подняла ее… а оттуда вылезло целое полчище больших серых мокруш, которые бросились врассыпную. Кажется, именно после этого случая Надя приобрела страх перед насекомыми, и до сих пор до ужаса боится всего, что имеет больше четырех ног.

Но под этой фанериной макруш нет. Надя стряхивает с нее землю и несет добычу к шалашу.

– Как раз вовремя! – Радуется Катька, – помоги-ка мне.

Надя берется за фанерину с другой стороны и они возводят крышу. Шалаш готов. Девочки отходят на несколько шагов и любуются своим творением. И в самом деле, чудо, а не шалаш.

Маленький, но достаточный для того, чтобы в нем поместилось два-три человека. Стены сделаны из больших досок и скреплены кирпичами. Это крепкие стены, позволяющие спокойно шевелиться в шалаше, не боясь, что он развалится. На землю Катька предусмотрительно положила большую картонку. Крыша сама по себе представляет произведение искусства. Сперва доски, потом кусок фанеры, а сверху, по краям – кирпичи. Девочкам не терпится испытать свой домик. И, точно по заказу, как это часто бывает на юге, летнее небо вдруг хмурится. Солнце прячется за тучку, где-то в небе слышатся глухие раскаты грома. Вскоре на землю падают первые тяжелые капли. Наде радостно. Хоть бы ливануло посильнее!

И небеса откликаются на ее безмолвную просьбу. За первыми каплями падают другие, и вскоре начинает моросить кратковременный летний дождик.

– Давай под крышу! – командует Катька и сама юркает в шалаш. Она теснится, пропуская Надю, но та умудряется звонко стукнуться с ней лбом.

– Подожди! – Властно говорит Катька, – давай еще раз стукнемся.

И девочки трижды – аккуратно, не больно – стукаются лбом, приговаривая заклинание:

– Раз, два, три, мама-папа, не умри!

Немного повозившись, подруги притихают. Они лежат рядышком и поэтому им не холодно. По крыше мелодично стучит дождик. Надя лезет в карман шорт, достает вторую пачку печенья, предлагает Катьке и выдыхает:

– Классно…

– Да, здорово, – хрустя печеньем, откликается Катька, – слушай, а тебя искать не будут?

– Да нет, – отмахивается Надя.

– А че?

– Баба в Аксае, а к маме пришел… этот…

– Хахаль ее?

– Ну да…

Катька деликатно умолкает. Но у Нади все кипит внутри, и она принимается жаловаться Катьке на Ринатика. На секунду она умолкает, прикидывая, стоит или не стоит сказать ей про штуку, которую она увидела в комнате с морковным светом, и, наконец, решается:

– Я, короче, видела кое-что… – понизив голос, доверительно говорит она подруге.

– Что ты видела?

– Я, короче, зашла к ним в комнату, когда они спали… А он был голый. И у него между ног… было… это…

Катька тянется к пачке с печеньем, берет одну печенюшку, сует в рот и деловито спрашивает:

– Х..й, что ли?

Надя вспыхивает, краснеет:

– Эээ… ну, да.

– И че?

Тут Надя сдается. Она смотрит на невозмутимую подругу и шепотом спрашивает:

– А че это такое-то?

– Ну, это… – Катька задумчиво морщит лоб, – это, в общем, такая штука, которую дядьки засовывают тетенькам в письку. И из-за этого рождаются дети. Я так родилась, – авторитетно заявляет она, – да и ты тоже.

Какое-то время девочки молчат. Потом Надя спрашивает:

– Слушай, а правда, в этом Доме убили кого-то?

– Да, кажется, – отвечает Катька, – но я точно не знаю.

– А я, кажется, слышала, что там один бандит убил другого. Из-за денег. Зарезал. А потом сам исчез. И с тех пор там призраки…

Катька притихает и задумчиво смотрит на Дом:

– Все может быть, – говорит она, – все, дождик кончился.

Уходить не хочется, но ужасно хочется есть и пить. Печенье только раздразнило голод. Попить-то и на колонке можно, а вот чтобы поесть, нужно домой топать. Судя по всему, времени уже больше трех. Может, Ринатик уже ушел?..

Катька словно читает ее мысли:

– Ты домой?

– Да, наверное. А ты?

– И я тоже. Мамка сказала до вечера быть. Пойдем?

Девочки вылезают из своего убежища, распрямляют затекшие члены.

– Думаешь, не разгромят? – Глядя на уютный шалаш, с тоской в голосе спрашивает Надя подругу.

– Не должны, – отвечает Катька, – здесь никто не ходит. Ну разве что наркоманы… Знаешь, что? А давай, это будет только *наше* место? Никому его не показывай, мгм?

– Давай! И ты тоже – никому!

Уходя, Надя еще раз оглядывается на шалаш.

***

Дверь квартиры открыта, а Ринатиковы ботинки все еще стоят рядом с маминими туфлями. Стиснув челюсти так, что зубы заскрипели, Надя переобувается в тапочки, моет руки, прислушивается к плотно закрытой двери бабушкиной комнаты, и тихо, крадучись, идет на кухню. Заглянув в сковородку, она забирает себе на тарелку оставшееся мясо и садится обедать. Ест украдкой, по-волчьи, то и дело прислушиваясь, не встал ли кто за стенкой. Покончив с мясом, она заглядывает в холодильник, достает колбасу, отрезает несколько кружочков, делает бутерброд, запивает остывшим чаем. Затем, вздохнув, принимается прибирать на кухне.

В прихожей слышится звук шагов. Надя вытягивает шею, смотрит, кто это, с тайной надеждой, что это мама, у которой можно спросить, когда же наконец *он* уйдет. Но это Ринатик. На нем только незастегнутые брюки. Увидев Надю, он останавливается. Он еще очень пьян.

– Надежда… – бормочет он, – как делл?..

Надя дерзко смотрит ему в лицо и еле удерживается от желания брызнуть в него пеной от средства для мытья посуды. Он шатается. Он, кажется, ничего не соображает. На его заспанной голове вырос смешной черный хохолок. Неожиданно для себя Надя выпаливает:

– Дядя Ринат… Покажи х..й!

Ринатик секунду смотрит на нее, часто мигая глазами. Сперва Наде кажется, что он вдруг мигом протрезвел и сейчас скажет что-нибудь вроде «да ты, Надюха, сдурела» или еще что-нибудь в своем стиле. Но Ринатик молча лезет в штаны и извлекает на свет большую, уродливую штуку.

6.

– Скажи еще раз, как *он* выглядел? – в глазах Юльки огонек, щеки пылают. Она берет с прикроватного столика большую книгу, тащит Наде, не глядя открывает страницу и указывает пухлым пальчиком на одну из картинок, – вот так?

Надя смотрит на картинку, изображающую голого дядьку и видит «штуку».

– Блин, я тебе уже сто раз говорила. Да.

– Большой?

– Уфф… Да.

– Какой? Вот такой? – Юлька, все больше возбуждаясь, показывает руками размер.

– Ну, примерно. Чуть поменьше. Вот такой. – Надя немного сдвигает ее ладошки и, поддавшись игривому настроению сестренки, хихикает. – А че это за книга-то?

– Мамина, – Юлька тоже прыскает в ладошку, – я все картинки уже сто раз посмотрела, когда она мылась.

– Не боишься, что она тебя застукает?

– А она меня уже застукивала, – продолжает посмеиваться Юлька, – хочешь дальше смотреть?

– Не, не хочу, отнеси назад. Да и поедем же сейчас.

Девочки стоят в прихожей в ожидании бабушки. Надя с нетерпением дергает дверную цепочку, ей хочется уже уйти отсюда, да поехать поскорее домой. За плотно закрытой белой, аккуратно покрашенной дверью слышны приглушенные голоса бабушки и тетки. Вдруг бабушка повышает тон:

– Да не брАла я, не брАла!..

– Ну как же не брали, если он на холодильнике лежал, рубль! – звенит возмущенно тетка.

– Ну, паскуда ты такая… – бабушка едва ли не плачет. – на! На, посмотри кошелек! Нету тут твоего засратого рубля!

– Да зачем вы мне свой кошелек под нос тычете? – Тетка почти визжит, – вы его поди потратили уже, рубль!

Бабушка замолкает. Наде слышны всхлипывания. В груди у нее растет гнев, кулаки непроизвольно сжимаются. Ей хочется вбежать в комнату, защитить бабушку. Но тетка быстро поставит ее на место: рубль видела? Нет, не видела. Ну и молчи тогда.

Бабушка шумно сморкается в носовой платок.

– Скажу… Юле… Отдаст она тебе… твой блядский рубль… змеюка… Или сама с пенсии отдам…

Притихшая Юлька дергает Надю за руку:

– Пошли на улицу, – тихо говорит она.

Юлька на пять лет младше Нади. Спроси кто у нее, любит ли она сестренку, Надя не знала бы, что ответить. С одной стороны, конечно, любит. Юлька привязана к ней, как собака. Ходит за ней по пятам, во всем подражает. С другой – она такая надоедливая! Наде хочется почитать, а Юлька тут как тут, и начинает ее теребить. Надя сдерживается до поры до времени, а потом как рявкнет! Юлька – в слезы и, конечно, бегом жаловаться. И тут вмешивается мама:

– Ты почему ей грубишь?

– Я не грублю.

– «Не грублю»… Я в зале, при включенном телеке слышу, как ты орешь на нее!

– А че она мне читать мешает?

– Не начиталась еще? Ребенок к тебе в гости приехал, а ты на нее внимания не обращаешь. Деда Гаврила на тебя нет… Иди сюда, Юленька, ну ее, грубиянку.

Юлька плюхается на диван-кровать рядом с мамой, а Надя, внутренне кипя и искренне надеясь, что мама займет сестренку на несколько часов, возвращается к недочитанному «Тому Сойеру».

Но Юльке хватает и нескольких минут в маминой компании. Сперва слышится ее заливистый смех, потом возня, а потом мама говорит, что реклама закончилась, началось кино, и ей ничего не слышно. Юлька тоже хочет смотреть кино. Молчит она несколько секунд. Наконец до Нади доносится мамино:

– Ты уляжешься или нет?

– А кто это? – Громко спрашивает Юлька.

– Главная героиня.

– Главная героиня? А почему?

– Что почему?

– Она главная героиня.

– Потому что потому и кончается на «у». Все, тихо! Иди к Наде.

– Она читает…

– Ну тогда сиди тихо и не мешай мне смотреть кино.

Но Юлька не может, она просто не умеет сидеть тихо. Кино с непонятной «главной героиней» кажется ей скучным. Другое дело реклама! Юлька любит смотреть рекламу едва ли не больше, чем мультики. Она выучила все песни оттуда. Голос у нее чистый, звонкий, и поет она очень хорошо.

Юлька «шарит» во многом. Она точно знает, какой чай нужно пить, и какие таблетки лучше помогают от простуды. А однажды произошло вот, что.

Как-то они втроем – Надина мама, Юлька и Надя, зашли в магазин. Маме нужно было купить гигиенические прокладки. Юлька внимательно смотрела, как мама выбирает прокладки, как рассчитывается с продавцом, как получает сдачу… И вдруг ей показалось, что что-то не так. Она дернула маму за руку и громко, на весь магазин, спросила:

– Мама, – Юлька почему-то всегда называла Надину маму, свою тетю, мамой, что доводило Надю до бешенства, – а… *синюю жидкость?!* Ты что ли забыла?!

***

Слышится гневное рычание Томки – Юлька посмела придвинуться к «маме» на сантиметр ближе позволенного. Диван-кровать – это *его* территория. Он лежит в маминых ногах и даже сквозь дрему охраняет порядок. Сколько раз Надя просыпалась ночью от его истеричного рычания… А уж сколько раз он вцеплялся зубами в ее ноги, укрытые одеялом…

– Том, фу! – Перекрывая звук телевизора, командует Юлька.

Томка раздраженно лает, Юлька взвизгивает.

– О, Господи! – Не выдерживает мама, – да дайте же мне наконец посмотреть кино! Я его всю неделю ждала! Юля, иди к Наде. Надя, займись ребенком!

Да… Почитать Наде точно не дадут. Но она все равно продолжает лежать на диване с книгой в руках. Может быть, Юлька займется рисованием?.. Но нет, сестренка жаждет общения. Она вваливается в Надину комнату и нагло заявляет:

– Мама сказала, чтобы ты со мной поиграла!

– Блин… да не называй ты мою маму мамой! – Шипит Надя.

– Почему?

– Потому что у тебя есть своя мама.

– А я хочу две.

– Блиииин!.. Да не бывает двух мам!

– Почему?

– Потому что! Садись и рисуй! Дай мне почитать!

– А ты сколько еще будешь читать?

– Не знаю.

– Ну примерно?

– Минут двадцать.

– А минут двадцать – это сколько?

– Минут двадцать – это минут двадцать, – Надя незаметно для Юльки кусает себя за щеку, чтобы не засмеяться. Гнев на сестренку проходит – уж слишком невинно она смотрит на нее своими огромными глазами. Ежу понятно, что у нее и в мыслях нет доводить сестру до белого каления, ей просто хочется внимания.

– Это долго?

– Нет, недолго.

– Хорошо, – вдруг легко соглашается Юлька и идет к Надиному письменному столу.

Юлька любит рисовать и получается у нее здорово. Она рисует гораздо лучше своих сверстников. Пожалуй, рисование – это единственное, чем можно ее увлечь и заставить отстать. Минут на тридцать.

Наконец, Надя дочитывает главу и загибает уголок страницы. Так, конечно, делать нельзя, но закладка все время куда-то девается. Юлька сосредоточенно сопит над рисунком. Надя какое-то время молча наблюдает за сестренкой: язык высунут, в порыве вдохновения она практически сползает со стула.

– Че ты там рисуешь? – Не выдерживает Надя.

– Щас покажу…

Наконец Юлька несет к дивану, на котором устроилась Надя с книжкой, свой рисунок:

– Вот, смотри. Это мама, это я, а это…

– Кто? Папа?

– Наверное… Или, нет, дядя Ашот.

На рисунке изображено три человечка. У одного округлые формы и большие груди – это, видимо, тетя Аля. Она почему-то получилась больше всех остальных. Второй человечек маленький и дерзкий – это Юлька. А у третьего между ног с поразительной точностью пририсована огромная «штука»…

Надя фыркает. Надо бы попенять сестре, но, черт возьми, это весело. Надя прыскает и хохочет. Глядя на сестру, смеется и Юлька, хотя в ее глазах искреннее недоумение: ну нарисовала и нарисовала все, как есть… Что такого-то?

Дядя Ашот – это Юлькин крестный. Надина мама говорит, что тетя Аля выбрала его потому, что он богатый. Он фотограф. В семейном фотоальбоме есть несколько сделанных его рукой совместных снимков. На одном из них изображены Надина мама с огромной смешной «химией» на голове, тетя Аля, Надя и совсем еще маленькая, завернутая в пеленку, Юлька.

– Пойдем на улицу, – предлагает Надя.

– Пошли! – Оживляется Юлька, – а ночью…

– Что ночью? Курицу воровать? – Улыбается Надя.

– Нет, ночью по КТК будет «Доктор Секс», – хищно сузив глаза, говорит Юлька, – давай посмотрим?

– Ты неисправима, – закатывает глаза Надя, – ладно, давай.

Девочки собираются на улицу. Долго решают, взять ли резиночку, но в последний момент отказываются. Из зала доносится мамин голос:

– Если вы гулять, возьмите Томку!

Надя и Юлька переглядываются и шумно, протяжно вздыхают.

– Без Томки никуда не пойдете! – Выносит вердикт мама.

– Ладно, ладно, – бурчит Надя, – Том! Гулять!

Томке дважды повторять не надо. Услышав волшебное слово, он несется в коридор и сам вдевает мордочку в ошейник с поводком, который Надя держит в руках.

– Недолго и во дворе! – Опять доносится мамин голос.

Девочки закрывают за собой дверь и бегом спускаются во двор.

7.

Двор условно делится на две секции – взрослую и детскую. Первая секция представлена в виде картежных столиков. Они сделаны из прочного металла и плохо покрашены. Краска держится месяц-другой, а потом слезает. К столикам пристроены узкие деревянные скамьи. С тыла картежный уголок обнесен бетонным «дырявым» забором, словно созданном для того, чтобы перелезать с него на растущие рядом урюки и рвать созревшие плоды.

Детскую секцию представляет песочница, наполовину вкопанные в землю баллоны, по которым не пробегался только совсем ленивый и трусливый, качели-весы, а также небольшая площадка для развешивания белья, приспособленная ребятней для игры в выбивалы. Украшением секции является «трехэтажная» урючина. Урюк на ней мелкий, невкусный, но дворовые дети любят ее за то, что на ней можно оттачивать искусство лазания по деревьям.

Первый «этаж» урючины предназначается для новичков. Забраться туда просто. Нужно упереться стопой или коленом – как придется – в слегка склоненный ствол дерева, крепко ухватиться за него руками и быстро подтянуть корпус. Все, ты на дереве. Далее можешь усесться, как тебе вздумается – толстая ветка, на которой ты находишься, позволяет принять самую удобную позу.

Дальше начинается второй «этаж», он ненамного выше, но требует уже некоторой ловкости и смелости. А еще выше забираются только настоящие «асы» – такие, как Катька, например.

Еще урючина хороша тем, что на любой ее толстой ветке можно устроить тарзанку и с шиком прокатиться, ловя завистливые взгляды тех, у кого не достает для этого смелости.

Иногда дети проникают со своей территории на взрослую, занимают самый маленький столик и играют рядом с картежниками. Чаще всего, конечно, за столом препарируются и тщательно изучаются собранные насекомые, но иногда кто-нибудь достает замусоленную колоду карт и начинается своя игра. Взрослые и дети друг другу не мешают. Первые играют на деньги, вторые – в безобидного «дурака», на желание.

Через дорогу находится другой двор. Там, подобные руинам некоего древнего городища, тихо умирают останки деревянного городка. Раньше там были и столбики, и разукрашенные беседки, и причудливые, искусно сделанные фигуры из сказок и мультфильмов, и настоящие лабиринты для игр, но с течением времени Городок пришел в запустение. Сперва спилили деревянные фигурки, потом растащили «на дрова» беседки. Выжили только столбики, унылый вид которых навевает непонятную, щемящую тоску.

Надя и Юлька редко ходят туда. Другой двор – это другой мир. Им пока хватает и собственного.

Дворовые дети имеют собственную иерархию. Песочница и качели-весы- это совсем для малышей. Урючину и «картежни» населяет Шпана – ребятишки шести-одиннадцати лет. В основном это пацанята, к которым часто присоединяются Надя, Катька и Юлька.

А есть еще и лавочка. По вечерам ее оккупируют бабушки. Одна из них страшная. Однажды она сосчитала все зубы и пальцы у одного мальчика, и потом тот умер. Поэтому мимо нее нужно проходить только, спрятав руки в карманы, и с плотно закрытым ртом.

А днем здесь сидит Элита – дворовые Хорошо Воспитанные девочки. Катька долго называла их «буржуйками», но потом Надя объяснила ей, что буржуйка – это вообще-то такая печка.

Самая нормальная из них – это Оля. Иногда она даже снисходит до игры с ними в резиночку (кстати, в эту игру играют даже пацаны. Они, конечно, не прыгают, но выступают в роли держателей и вовремя поднимают резинку на следующий уровень). А остальные представители Элиты до ужаса противные. Сколько раз Надя, галопом проносясь по двору верхом на воображаемом коне, размахивая превращенной в шпагу очищенной веткой сирени, слышала издевательский смех за спиной… Сколько раз то одна, то другая Хорошо Воспитанная, глядя ей в глаза, стучали пальцем по виску – ку-ку ты, мол, совсем.

Надя с Катькой, а за ними и Юлька, говоря о Хорошо Воспитанных, так и называют их презрительно – *«Девчонки»*. Обращать на них внимание – себе дороже. Драться они не станут, да и до словесной перепалки со Шпаной не опустятся.

Когда летний двор печется на солнце уж очень сильно, дворовые дети играют в «обливалки». Уж как приятно пронестись мимо лавочки и как бы невзначай облить кого-нибудь из Элиты водой из полуторалитровой бутылки из-под минералки «Сары-агаш». А еще приятнее слышать их визг и видеть, как они стряхивают воду со своих сарафанов и нарядных топиков!..

Красавица Оля влюблена в своего соседа, сына знаменитого алма-атинского врача, Бахтияра, Баху… Ему же нет дела ни до кого. Даже летом он занят в кружках, секциях, или же надолго уезжает к живущим в деревне бабушке с дедушкой.

А еще детская территория включает в себя Подвал. Это самая опасная зона, но отказаться от удовольствия заглянуть в пахнущую сыростью бездну, зажечь дрожащими руками свечку или фонарик, увидеть вокруг себя такие же испуганные, напряженные лица, невозможно. Раньше Подвал закрывался висячим замком, но почему-то сейчас там дверь едва ли не нараспашку.

Также в Подвал можно пролезть с другой стороны дома, через пугающее своей чернотой окошко. Туда часто лазит и до ужаса боящаяся всяких насекомых Надя, и не желающая отставать от сестры Юлька. Пережив очередное приключение, уже на свету, стряхивая с рук ползающих, противно кусающихся черных блох, девочки, делая «страшные» глаза, клянутся-божатся друг дружке, что видели в Подвале то «чью-то тень», то «светящийся красный глаз».

Катька говорит, что этот Подвал соединен с подвалами других домов, но проверить эту теорию им так и не довелось – прошло всего несколько лет, и Подвал был ликвидирован…

Когда Надя была маленькой, она ужасно боялась Подвала. А все потому, что однажды она услышала, как кто-то из взрослых говорил, что в Подвале живут бомжи. Сказано это было

шепотом, тайно. Надя не знала, кто такие бомжи, но тут же сообразила, что взрослые их боятся. Услужливое воображение тут же наделило этих неведомых бомжей страшными черными лицами, крючковатыми носами и красными глазами.

Однажды, поздней осенью, возвращаясь домой с урока английского, Надя в приглушенном свете подъезда ясно увидела, как из проема, разделяющего подвал с лестницей, вылезла огромная волосатая черная рука. Застыв на месте от ужаса, Надя смотрела на руку, а та не спешила возвращаться во тьму. Надя знала, что стоит ей только попробовать пройти мимо, как рука схватит ее и утащит в Подвал, где ее непременно съедят бомжи.

Но стоять в подъезде было холодно, к тому же, очень хотелось писать. И Надя запела. Громко поя, она зажмурилась и бегом преодолела страшный пролет, потом еще один, и еще… И только на своем, третьем этаже, стоя перед дверью родной квартиры, она успокоилась.

Привычка петь и смотреть под ноги, преодолевая страшный черный проем, сохранилась у нее надолго.

***

– Ой, Надька, ты на трещинку наступила! – В Юлькиных глазах неописуемый ужас. Сама она всегда педантично переступает через «опасное» место на асфальте.

– Блин… – бурчит Надя. – Вот че я под ноги не смотрю?!

– А может, ничего и не будет, – утешает ее Юлька, – ты же не на люк наступила, в конце концов.

Конечно, трещинка не люк. Может быть, беда и минет…

– Пойдем на урючину? – Предлагает Юлька.

– Ну, пошли.

На урючине уже собралась небольшая компания. Это Руслик-суслик, он же Рус-белорус, белобрысый долговязый, вечно сопливый мальчишка, обладающий поразительным даром грязнеть в течение нескольких минут; миловидный Колька, хозяин болонки Джинки, имеющей от Томки нескольких рыжеголовых щенков, и пухленький Алишер. Колька и Руслик живут в одном подъезде, только Колька на первом этаже, а Руслик – на последнем, четвертом. Они закадычные друзья. Оба фанатеют от Саб Зиро, оба собирают фишки. И у того, и у другого уже довольно приличная коллекция. Часть фишек куплена на карманные деньги, часть – выиграна в честном поединке.

На этих фишках двор просто помешан. Это азартная игра, не идущая ни в какое сравнение с прежней, в «крышечки». Правила похожи, но разве можно сравнить эйфорию от выигрыша крутой фишки с любимым персонажем из «Смертельной битвы», с удовольствием от обладания кучи красивых, но в общем-то бесполезных крышечек?

В фишки играют так: один играющий берет у другого любую нравящуюся ему фишку (исключение составляют те, на которые игрок не играет) и, удерживая ее по краям двумя пальцами, сильно бьет ею о бордюр. Если фишка переворачивается, то она уходит новому владельцу. Наибольшим шиком считается умение переворачивать фишки, ударяя их об асфальт. Но так играют только настоящие профи.

Руслик, Колька и Алишер что-то возбужденно обсуждают. Заинтересованные Надя и Юлька подходят к ним.

– Ты уже видела новые фишки? – Глаза у Кольки блестят.

– Нет. А у вас есть?

– Есть! У Руса. Рус, покажь!

Руслик неторопливо, шаркая стоптанными сандалиями, подходит к Наде и, сглатывая то и дело набегающую слюну, говорит:

– Вот, зырь.

Во вспотевшей ладошке Руслика фишка, изображающая девушку в нижнем белье. Юлька восхищенно пищит «Вау!» Надя морщится:

– И че?

– Зырь… – Руслик слюнит палец, трет фишку, и нарисованный лифчик, а за ним и трусики тут же исчезают под восторженное завывание Юльки.

Глаза мальчишек устремляются на Надю в ожидании вердикта. Ничуть не впечатленная, она тем не менее произносит:

– М-дааа…

Этого достаточно. Сдерживаемый доселе восторг прорывается. Пацаны забрасывают Надю новостями о том, что новинка уже вовсю продается на рынке, и что купить ее может абсолютно любой.

– А я хотела у тебя сменять Катану на Шан Цунга… – когда вопли стихают, говорит Надя.

– Ну, давай, – пожимает плечами Руслик. – Шан Цунг – это «счастливая» фишка, его сокровище. Еще вчера он даже играть на нее не хотел.

– Я только не взяла с собой свои фишки… Давай завтра тогда?

– Да бери сейчас! Завтра меня может не будет, – длинные пальцы Руслика быстро выбирают нужную фишку. Надя, не веря своему счастью, бережно кладет ее в карман шорт.

– Спасибо… Я тогда Катану тебе потом отдам, ладно?

– Ладно, ладно, – соглашается Руслик и возвращается к любованию фишкой с девушкой. Действие слюны закончилось, и нижнее белье вновь на ней.

– Давай за Катькой зайдем? – Предлагает Юлька.

– Пойдем.

Катькина голова, как и ожидалось, мгновенно показывается в окне. Нет, она не выйдет. И вечером тоже. Потому что наказана за то, что вчера притащила с помойки домой огромный аквариум.

– Зачем тебе аквариум? – Удивляется Надя.

– Так, просто, – пожимает плечами Катька.

– Жалко, что ты не выйдешь, – вздыхает Надя, – ну мы пойдем тогда?

– Ага, давай, – и Катька исчезает.

***

– Юльк, будь другом, заведи Томаса, а? – Просит Надя, увидев, что из подъезда восемнадцатого дома с котом на шлейке выходит Вера, ее недавняя знакомая.

– Нуууу, – недовольно тянет Юлька, – меня лааапки ему заставят мыыыть…

– Ну и помой, убудет от тебя, что ли?

– Не хочуууу…

– Какая ты противная, – морщится Надя, – вот возьму и не буду с тобой смотреть сама знаешь, что сегодня ночью!

– Ладно, ладно, – тут же соглашается сестренка.

– Приходи потом к лавочке восемнадцатого дома, – напутствует Надя.

Вера – миловидная спокойная девочка. Она ничуть не похожа на Катьку, но Наде она нравится. С ней интересно и достаточно весело. Однажды Вера откуда-то узнала, что в свежих газетах с телепрограммой, что разносят по почтовым ящикам по понедельникам, якобы опубликованы бесплатные купоны, по которым можно кататься на каруселях в парке. Девочки встали пораньше и собрали газеты из всех почтовых ящиков двадцатого, девятнадцатого и восемнадцатого домов. Но увы, «волшебных» купонов там не было… Пришлось вновь обходить все девять подъездов и класть газеты туда, откуда они были взяты.

Каждый день Вера выгуливает на шлейке своего кота, черно-белого пушистого красавца Леньку. Это норвежский лесной, дикий и достаточно злой кот. Но Вера в нем души не чает.

Девчонки сидят на скамейке у Вериного подъезда и болтают. Надя осторожно гладит Ленькину голову. Балованный кот, вальяжно лежащий на руках у хозяйки, смотрит на Надю, прищурив свои зеленющие дикие глаза, недоверчиво и немного презрительно. Вера – девочка из зажиточной семьи. Как и Надя, она воспитывается без отца, живет с мамой и бабушкой. Ее мама, как и Надина, работает в госструктуре, а бабушка торгует вещами на барахолке. Вера всегда классно одета. Сегодня на ней шикарная белая футболка с Симбой, и совершено невероятные дольчики. С обеих сторон на них тоже красуется по Симбе.

– Ты когда-нибудь духов вызывала? – Спрашивает Вера у Нади.

– Нет. А как это?

– Короче, – вдохновенно начинает Вера, – берешь тарелку, рисуешь на ней две стрелочки. Потом кладешь ее на газету и обводишь фломастером. С одной стороны круга пишешь «да», с другой – «нет». Потом вызываешь… ну, кого-нибудь мертвого, он приходит и отвечает на вопросы…

– Че, правда? – Изумляется Надя.

– Ну, – Вера на секунду заминается, – так говорят большие девчонки. Они пробовали, у них получилось.

– А кого можно вызывать?

– Да кого хочешь! Любого, кто уже умер. У тебя в семье кто-нибудь уже умер?

– Нет, тьфу-тьфу-тьфу, – Надя стучит по дереву, потом задумывается, вспоминает, – хотя погоди… Бабушка одна какая-то умерла, но давно. И я ее очень плохо помню. Она в России, ну, там, где я родилась, жила.

– Ну, сойдет, – кивает Вера.

– А давай… Давай попробуем? – Надя уже во власти новой идеи, глаза ее возбужденно блестят.

– Давай! – Тут же откликается Вера. – Только где? Надо у кого-то дома, чтобы было тихо, и никто не мешал.

– У меня дома мама…

– А у меня – никого! – Хвастает Вера.

– Тогда у тебя?

Вера на секунду задумывается, но потом кивает:

– Можно. Пошли.

Перед лавочкой, на которой сидят девочки, вырастает Юлька. Грудь ее взволнованно вздымается:

– Знаешь, че, Надька? Знаешь, че я видела только что?

– Че ты видела?

– Катька с Олей убежали!

– Не ври! Катьку наказали, она дома закрытая сидит.

– Не вру! Я ви-де-ла! – И в доказательство своей правоты Юлька выпучивает свои и без того большие глаза.

Внутри у Нади что-то обрывается. На душе почему-то становится тоскливо-тоскливо. Вообще-то, Юлька врушка та еще. Но сейчас, кажется, она говорит искренне.

– Где ты их видела? – Упавшим голосом спрашивает она.

– Когда я выходила, они из подъезда выбегали. Я у них спросила, куда они, а Катька сказала: «По делам»! Вот так!

– Кто убежал? Куда? – Интересуется внимательно слушающая диалог сестер Вера.

– Да Катька… Из девятнадцатого дома… Ты ее не знаешь, – отвечает Надя.

Вера тактично умолкает, мол, не хочешь говорить, и не надо и, выдержав паузу, приглашает:

– Так пойдем ко мне духов вызывать?

Девочки, разумеется, соглашаются. Как можно отказаться идти вызывать духов?! Да и у Веры дома они еще никогда не были.

***

Большая, чистая Верина квартира обескураживает и даже немного подавляет. Нет, конечно, и у Нади, и у Юльки тоже всегда чисто и уютно – мама и тетя Аля следят за этим едва ли не с фанатизмом – но жилище, в котором обитает Вера, напоминает какой-то храм. Высокие белые потолки, тщательно выбеленные стены, оклеенные красивыми обоями, на полу в гостиной – пушистый ковер. За стеклом огромной стенки стоит хрустальный сервиз. В роскошном цветовом ансамбле с ней выступают модное, легко собирающаяся кресло-кровать и большой журнальный столик.

Юлька озирается как в музее, а Надя, невольно испытывая неловкость за себя и сестренку (ведут себя, как дикие какие-то… а ведь у них дома тоже есть и стенка, и ковер, и аж два кресла-кровати), спрашивает у Веры почему-то шепотом:

– У вас сколько комнат?

– Три. А у вас?

– Две.

– Ах, да, да, я помню.

На тумбочке стоит телевизор, над ним – видик. Неслыханное богатство. Насколько Надя знает, еще один видик во всем дворе есть только у Кольки, и все. Надя невольно ахает:

– И кассеты у вас есть?!

– Ну да, – смущенно улыбается Вера, словно чувствуя вину на собственное богатство.

– А че у вас есть?

– Из моих только «Король Лев» и «Полтергейст», а из маминых…

– «Полтергейст»?! – В один голос восклицают Надя и Юлька. Обе фанатеют (Юлька, правда, скорее за компанию) по этому сериалу, который каждый вечер понедельника показывают по ОРТ.

– Да. Правда, только первая серия. Хотите посмотреть? – Предлагает Вера.

– Да! А можно?

– Да… только не сегодня, сегодня же мы духов вызываем. Я позову вас, когда дома никого не будет, ладно?

– Ладно.

И тут Юлька, как-то вдруг совсем потерявшись, спрашивает:

– А у тебя есть попить че-нибудь?

– Есть «Инвайт», «Юпи» и просто вода. Че будешь?

– А «Инвайт» какой?

– Апельсиновый.

– А «Юпи»?

– Малиновый.

– Тащи «Юпи». А поесть че-нить есть? – продолжает натиск Юлька.

Вера удивленно поднимает аристократические брови. Так бесцеремонно к ней за стол еще не просились. Но, видимо, сказывается воспитание – Вера предлагает Юльке на выбор печенье или «Мишку на Севере». Юлька задумывается, выбирая.

– Ты че будешь? – деловито спрашивает она у сестры.

– Ничего я не буду, – шипит Надя, делая сестренке «страшные» глаза, – и ты ниче не будешь! Только что же ели дома! Как не стыдно?!

– А че такого-то? – Обижается Юлька, – мы же ее угощали, когда она к нам домой приходила…

– Я тебя убью… – понизив голос, грозится вспыхнувшая Надя.

Юлька, понурив голову, умолкает, краснеет и принимается остервенело растирать свежий комариный укус на лодыжке. Ее греческий нос сейчас кажется очень длинным, тонкие губы кривятся капризно и как-то противно. Сейчас, похоже, будет реветь…

У Нади есть два выхода: брать сестренку за руку и вести домой, или не обращать на нее внимание, пусть хоть заревется. Оба выхода плохие. В первом случае она лишается возможности вызвать духов, а во втором – неудобно перед Верой.

Ситуацию разруливает Вера. Она молча идет на кухню и приносит на тарелке несколько печенюшек и конфет.

– Только не реви, пожалуйста, – сказала она, ставя угощение перед Юлькой, – и не сори, а то меня убьют.

Набычившаяся Юлька, не обращая внимания на лакомство, продолжает краснеть и остервенело тереть комариный укус. Ведь заревет же – принципиально сейчас заревет… И Надя, грубее, чем ей хотелось бы, говорит:

– Ну ешь! Или тебе особое приглашение нужно? – И самой себе противным, назидательным тоном добавляет, – и спасибо не забудь сказать!

Юлька вскидывает на нее глаза и смотрит, как на предателя. Сохраняя упрямое молчание, она отворачивается и принимается дербанить бахрому на кресле. Ее нижняя губа дрожит. Надо бы перестать уже третировать сестренку, но в Надю точно вселяется какой-то бес, и она продолжает:

– Спасибо тебе, Вера, за то, что угостила мою вечно голодную сестру, – нарочито громко говорит она.

– Да не за что… – смущается Вера.

Повисает пауза – всем неловко. Юлька сердито сопит. Наблюдая за ней из кресла, нервно дергает ушами красавец Ленька. Затем Надя, кашлянув, спрашивает:

– Так как, ты говорила, их надо вызывать, духов-то этих?

– А, щас, – оживляется Вера, скрывается в своей комнате, затем приносит в гостиную газету и фиолетовый фломастер.

– Давайте мы уберем конфеты и печенье на столик, а потом, если захотим, возьмем, мгм? – Предлагает она, сопровождая свои слова соответствующими действиями. Юлька даже не шевелится.

Вера аккуратно складывает газету вдвое и кладет на пол. Затем переворачивает вверх дном тарелку, кладет ее на газету и по контуру рисует фломастером круг. С одной стороны круга она пишет слово «да», со второй – «нет». Надя зачарованно следит за Вериными действиями. Из-за ее плеча, забыв о том, что только что собиралась реветь, смотрит Юлька. Вера рисует на тарелке небольшую стрелку, затем кладет тарелку на круг, педантично ровняет и шепотом говорит:

– Двигайтесь ближе. Кладите сюда пальцы – вот так… – она растопыривает указательный и средний палец и прикладывает их к тарелке. Девочки следуют ее примеру.

– Так… Теперь… – продолжает Вера, пристально глядя сестрам в глаза, но тут же перебивает сама себя, – блин, солнце сильно светит. Я щас шторы завешу…

Опускаются тяжелые шторы, и в комнате воцаряется таинственный полуденный сумрак. Становится очень тихо, только ходики на стене продолжают свой механический шаг. В глубине кресла мерцают два зеленых огонька – Ленькины глаза.

– Кого вызывать будем? – Спрашивает Надя.

– Давай бабушку твою?

– Ка… какую бабушку? – Недоуменно и громко спрашивает Юлька.

– Да не ори ты! Не бабу, а другую бабушку, российскую. Ты ее не знаешь! – Раздраженно говорит Надя, – ну, давай…

– Говори:… эээ… как ее звали?

– БабЛюба.

– Нет, по отчеству. И фамилию еще надо.

– Э… не знаю…

– Тогда не получится. Надо фамилию, имя и отчество, – назидательно говорит Вера, и тут же оживленно предлагает, – а давайте Пушкина?

– А его тоже можно? – Удивляется Надя.

– Да кого хочешь, я же тебе говорила! Главное, чтобы он был мертв…

– А давайте лучше Суворова! – Неожиданно для самой себя, предлагает Надя.

– Суворова?! – В один голос удивленно переспрашивают Вера с Юлькой.

– Ну да… а че?

– Ну давайте. Значит, так… Повторяйте за мной: Александр Васильевич Суворов, выйдите к нам пожалуйста! Если «да», скажите «да», если «нет», скажите «нет». – медленно, тщательно выговаривая каждое слово, произносит Вера.

В строгой комнате с занавешенными шторами звучит нестройный, но дружный хор трех детских голосов. Каждая буковка заклинания выговаривается тщательно, точно шлифуется. Надя старается говорить с выражением, как в школе. Юлькин голос звучит убедительно и искренне. Вера торжественно строга. Если бы Надя была Суворовым, она обязательно-преобязательно откликнулась бы на такую просьбу… «Ну пожалуйста… Ну Александричек Васильевиччик… милый, дорогой, любимый, ну придите к нам…» – мысленно умоляет она.

Но Александр Васильевич не отвечает ни «да», ни «нет». Девочки, держа у тарелки напряженные пальцы, выжидающе смотрят друг на друга. Тягучие секунды похожи на минуты. Ничего не происходит. Сидящая напротив Нади Вера приоткрывает рот в виде буквы «о» и начинает что-то говорить, как вдруг точно ножом разрезается, разрубается напополам воцарившаяся в комнате почти мистическая тишина:

– Я-аайца берем! Я-аайца свежие берем! Я-аайца!..

Это местная торговка прошла под окнами. Девочки прыскают, но мигом успокаиваются. Меланхоличное пощелкивание ходиков на стене подсказывает им, что нужно попробовать еще раз.

– Давайте. Раз-два-три… – Командует Вера, и девочки начинают вновь. – Александр Васильевич Суворов, выйдите к нам пожалуйста! Если «да», скажите «да», если «нет», скажите «нет»…

И вновь повисает напряженная тишина. На секунду Наде кажется, что тарелка сдвинулась с места, но нет, она стоит, как ее поставили, и холодно усмехается фарфоровым блеском. Это, видимо, кто-то из них, «нетерплячих», как говорит бабушка, случайно двинул ее пальцем.

Вдруг Наде почему-то становится неловко. Вспоминается лицо великого полководца, запечатленное на портрете, в душе поднимается тихий трепет. Да что же они делают?.. Зачем отрывают Суворова от дел? Ведь он же наверняка чем-то занят там, в раю… Неужели он сейчас все возьмет и бросит, и побежит отвечать на глупые вопросы трех алматинских девчонок?..

Словно в ответ на ее мысли, с другой стороны двора до Вериного окна докатывается звонкое, звучащее как-то по-особенному в мистической тишине мертвого июльского полдня, эхо:

– Я-аайца берем! Я-аайца свежие берем!..

Девчонки смеются уже громче, смелее.

– Давайте еще раз, – решительно говорит Вера, – Бог любит троицу.

– Давайте! Алекс… – дружно начинают девочки.

– Я-аайца берем! – раздается уже под самыми Вериными окнами.

Юлька откидывает голову и хохочет в голос. Вслед за ней закатывается Надя. Глядя на катающихся от хохота по полу сестер, услышав очередное «Я-аайца…", доносящееся из соседнего двора, не выдерживает и Вера. Они невольно пугают задремавшего Леньку, кот спрыгивает с кресла и рысью убегает на кухню. А девочки еще долго не могут успокоиться…

– Вообще-то, надо ночью вызывать, – отсмеявшись, говорит Вера, – но я думала, может быть, получится…

– Пойдем на улицу? – Предлагает, вставая и разминая затекшие ноги, Юлька.

– Давайте… Щас я только уберу здесь. Мне вообще-то не разрешают никого домой приводить… – как бы извиняясь, говорит Вера.

– Ну, мы это уже поняли, – улыбается Надя.

– Куда пойдем? Может, на качели? – Вере очень нравятся железные качели в соседнем дворе. Туда почти никогда не водят малышей, они не скрипят, а ощущение полета, которое испытываешь, хорошенько раскачавшись, заставляет забыть обо всем на свете.

– Не, неохота. Жарко… – Морщится Надя. И тут ей в голову приходит неожиданная мысль, – а хочешь, я тебе покажу наш с Катькой шалаш?

– А он далеко?

– Нет, рядом с «резинкой». Только знаешь, что?

– Что?

– Переоденься лучше, а то тебя заругают.

– Там что, по кушарам надо идти? – Сомневается Вера.

– Да. Так что, идем?

Вера сомневается несколько секунд, но потом в ее глазах загорается жажда приключений:

– Идем!

8.

Девочки спускаются во двор и едва ли не нос к носу сталкиваются с Анькой из третьего подъезда. Неизвестно, чем она любуется больше – своим новеньким великом или недавно сделанным модным каре. Анька смотрит на свое отражение в луже и прихорашивается.

– Вы куда? – После приветствия, спрашивает она.

– На «резинку», – отвечает за всех Вера. Она знакома с Анькой лучше остальных.

– И я тоже!

Девчонки идут рядом. Надя не может оторвать завистливого взгляда от двухколесного красавца: черный, навороченный всякими прибамбасами – тут и звонок, и шикарные тормоза, и держалка для воды… А у нее только старенький «Пионер»… Конечно, он быстрый и падать на нем не страшно, но куда ему, облезлому, в сравнении с заграничным «собратом»!..

У большого тополя, что растет рядом с перекрестком, стоит огромный заграничный автобус. Девочки останавливаются и, разинув рты, разглядывают это чудо. Этот автобус больше «ходовых» и выглядит очень импозантно. Он выкрашен красной краской, имеет новые колеса, большие окна и блестящие двери. Хорошенько рассмотрев иностранца, Анька изрекает:

– Это же Мицубиси!

– Ну да, – небрежно откликается Надя, тоже успев прочесть надпись.

– Водители на таких по пятьсот долларов в месяц зарабатывают… – мечтательно выдыхает Анька.

– Не пятьсот, а триста, – со знанием дела говорит Надя. Взгляды всех устремляются на нее и, прежде чем мозг сообразил, ее язык выговаривает – я знаю, потому что у меня мама на таком работает. Водителем.

Юлька и Вера смотрят на нее, широко раскрыв глаза. В Анькиных глазах – уважение, смешанное с завистью. Надя невольно приободряется.

– А я тебя знаю, – вдруг говорит Анька, – ты из двадцатого же дома, да? У тебя еще рыжая собачка есть.

– Да, есть.

– Значит, твоя мама реально Мицубиси водит?! – Анька не может скрыть восторг, – вот это классно! Слушай, а ты внутри была?

– Где?

– Ну, *там,* внутри, в Мицубиси.

– Конечно, была, – смеется Надя. Все, даже Юлька, смотрят на нее так, словно она является пророком Мухаммедом, и ее начинает нести все дальше, – там, короче, сидения откидываются назад, как в самолете. Есть душ, туалет, встроенные телевизоры – перед каждым сиденьем свой собственный. Там даже стюардессы ходят между рядами с напитками и едой…

– Стюардессы в самолете только, – убежденно говорит Вера.

– Ну не стюардессы, а эти… как их… ну, типа них, только в автобусе… Забыла, короче. А, вспомнила – кондукторы! Вооот… Там, короче, все такое красивое, новое, блестящее, там есть даже кафе!

– Кафе?! В автобусе?! – Недоверчиво уточняет Анька.

– В автобусе! – Отгоняя от себя мысль, что она, кажется, переборщила, уверенно говорит Надя, – Маленькое такое…

– Вот это дааа!.. Слушай… – Аньке, похоже, в голову приходит какая-то мысль. – Слушай, а кондукторы сколько получают?

– Нуууу… – Надя сосредоточенно морщит лоб, – где-то… долларов… сто пятьдесят-двести.

– Блиииин! Круто!.. Слушай, Надь, а… – Анька дает подержать свой велик Вере и деловито отводит Надю в сторону, – а твоя мама может… ну, это… мою маму устроить тоже на Мицубиси? Ну, кондуктором?.. А то она сейчас без работы…

– Я думаю, может, – важно отвечает Надя. Ей нравится внимание такой симпатичной и хорошо одетой девочки, как Анька.

– А… что для этого нужно?

– Нужны характеристики с бывшей работы – что она хорошо работала, имеет *стаж,* – Надя надавливает на это последнее слово, которое не раз слышала от мамы, и убеждается в том, что в Анькиных глазах появилось выражение, близкое к раболепию, – что у нее хорошее здоровье… Ну я еще у мамы спрошу, что нужно, ладно?

– Ладно. Ой, спасибо тебе! – Анька радостно хлопает в ладошки, – а я тогда своей маме скажу. Потом ты мне скажешь, какие еще документы нужны, и мы их твоей маме отдадим, да?

– Да, так и сделаем.

Вскоре девочки расстаются. Анька уезжает на велике домой, сообщать маме радостную новость, а Надя, Вера и Юлька продолжают свой путь к «резинке». Юлька молчит и то и дело удивленно посматривает на старшую сестру. Она-то знает, что ее тетя-мама никакой не водитель Мицубиси, а главный бухгалтер в Областном Управлении Туризма и Спорта. Наде вдруг становится не по себе. Успокаивает только то, что с Анькой они едва знакомы, а при встрече можно будет ей сказать, что у мамы ничего не получилось… и все! Успокоив себя таким образом, Надя мигом веселеет.

***

Они заходят на школьную территорию, пролезают через дырку в заборе и ведут Веру по направлению к Дому. Надя с каким-то злорадством думает о Катьке, об их договоре никого не водить к шалашу… Сама виновата, предала их дружбу! Убежала с этой своей Ольгой-Польгой по каким-то там «делам»… Хотя, то, что убежала, еще ладно, у всех, в конце концов, есть свои дела, но врать-то зачем?..

Наде интересно: как-то пример Дом Веру? И как отнесется к нему она?..

Дом оказывает странное воздействие и на Веру. Она со все возрастающей робостью, не отрывая взгляда, смотрит на него, а потом шепотом задает вопрос, заданный тремя тысячами людей в самое разное время с тех пор, как стоит этот Дом:

– А ты внутрь заглядывала?..

Дом смотрит на Надю угрожающе и насмешливо. Он знает и про комнату с морковным светом, и про Мицубиси, и про многое другое. Ну-ну, словно говорит он, давай, наври. Наври ей, скажи, что ты не просто заглядывала в окно, но и *была внутри*…

Надя слышит шепот Дома. Что-то заползает ей в душу, что-то нехорошее, гадкое. Она смотрит на Веру с огромным желанием видеть страх в ее глазах. И Вера, действительно, боится. Она с ужасом смотрит в черную пустоту нижнего окна, нервно передергивает плечами. Юлька подходит ближе и становится рядом с Надей:

– Тут убили кого-то… – едва слышно говорит она, и мрачные стены Дома с причмоком впитывают эти слова.

– Правда? – Вера с трудом отрывает взгляд от окна и смотрит на Надю. Та кивает.

– Слушайте, пойдемте отсюда, а? – Просит Вера, – Здесь реально страшно. И холодно…

– Ты не хочешь даже заглянуть внутрь? – Спрашивает Надя.

– Нет, не хочу, – вздыхает Вера, – пойдемте, девчонки. Вы же хотели мне шалаш свой показать…

– Ладно, пойдем. Смотри!

Надя подбирает с земли небольшой камушек, размахнувшись, кидает его в окно и напряженно прислушивается. Не слышно ни глухого удара о стену, ни звона стекла – ничего…

– Дом-призрак… – шепчет побелевшими губами Юлька.

– Нет, – хладнокровно отвечает Надя, – просто камень, наверное, вылетел из другого окна. Пошли, покажу шалаш.

Даже отойдя от Дома на приличное расстояние, девочки подавленно молчат. Так уж он действует на них – всего несколько минут постоишь возле него, а замогильный холод стен преследует еще очень долго.

– Блин, Вер, у тебя жопа грязная, – нарушает повисшую тоскливую тишину Юлька, – давай обтряхну.

Не дожидаясь разрешения, она услужливо и, по всей видимости, достаточно сильно, ладонью стряхивает пыль с Вериных дольчиков.

– Аааа! Да не отбивай же, блин, моих женихов! – Взвивается Вера, – стой, блин, теперь я тебя… Раз, два, три… Аааай! Да ты че по ногам, как по бульвару?! Слон!.. Стоой! Теперь я тебе, а то поссоримся… Ну где он, Надь, этот ваш шалаш?

Надя растерянно озирается по сторонам. Был шалаш, и нет его… Кажется, на этом самом месте… да, точно, именно здесь они с Катькой строили свой уютный домик. Теперь от него остались рожки да ножки, то есть, только картонка, которую вандалы точно в насмешку оставили сиротливо лежать на земле, да несколько кирпичей.

– Разрушил кто-то… – изо всех сил сдерживаясь, чтобы не зареветь, отвечает она. – А мы специально построили его в таком месте… Ну, чтобы никто… А они взяли, и… И фанерину нашу унесли…

Вера подходит, становится рядом, критически осматривает как-то вдруг сразу показавшееся ей сиротливым место. И, сочувственно взглянув на Надю, предлагает:

– А давайте построим новый?

– Давайте! – Юлька, как всегда, согласна на все.

– Не знаю… *Такой* мы уже не построим… – бурчит Надя, но идея нового строительства ей нравится.

– Да построим, построим! – Юлька так и подпрыгивает на месте, – че, думаешь, фанерину не найдем, что ли?!

– Ну, давайте! – Решается Надя, – тогда я пока здесь все почищу пока, а вы начинайте таскать материалы. Кирпичи там, доски… Если действительно найдете большую фанерину для крыши, то будет круто.

Девчонки убегают за стройматериалами, а Надя принимается за уборку. Вырывает с корнем огромные – выше головы – сорняки, набравшись смелости (а вдруг мокруши?!) берется за размокшую от дождя, как говорит бабушка, «надувшую губы», картонку и отшвыривает ее прочь… И замирает на месте. Под картонкой лежат в беспорядке использованные шприцы с иголками. В шприцах может быть «зараза», но Надя не спешит убирать их. Когда, неся в руках «материалы», появляются Вера с Юлькой, Надя показывает находку им.

– Наркоманы, – нервно передернув плечом, тут же говорит Вера, – ну а че ты хочешь, место-то глухое…

– Наверное, они шалаш и разрушили, – предполагает Юлька, склонившись над шприцами и внимательно рассматривая их.

– Так, надо убрать подальше, – распоряжается Надя, – только не руками, а то зараза… – вооружившись палочкой, она брезгливо выковыривает шприцы из земли, а потом несколькими пинками убирает их с территории.

Закипает работа. Вдвоем (Юлька то и дело убегает за новыми материалами) строить быстрее, и вскоре девочки возводят шалаш. Отойдя на несколько шагов, Надя любуется им. Все внутри так и распирает от гордости, и обида прошла – ей кажется, что новый шалаш даже лучше прежнего. Да и как ему не быть лучше, с такими-то материалами? Здесь и доски от разломанной скамейки, и крышка от парты, и большая прочная фанерина… И даже картонка на пол нашлась. Новый шалаш просторнее, выше. Можно запросто играть в нем втроем.

– Можно я посерединке? – Просится Юлька.

Девочки теснятся, пропуская ее в середку, и она плюхается между ними, прижимаясь к обеим. Тепло, исходящее от сестренки, действует умиротворяюще. Даже на Дом смотреть не так страшно.

– Так, правда, что ли, там кого-то кокнули? – Негромко спрашивает Вера.

– Так говорят, – отвечает Надя.

– А кого? Мужика или женщину?

– Кажется, мужика.

– Надьк, а расскажи ей про призраки! – Шепчет Юлька, – ну, помнишь, как ты мне рассказывала?

– Да какие еще тебе призраки?! – Отмахивается Надя, – человека убили, а она…

– Я, кстати, тоже слышала, ну, про убийство. Только про другое. – Говорит Вера, – вчера мама с бабушкой разговаривали, а я случайно подслушала. Короче, недавно убили девушку с Саина*.

– Здеесь?! – Вскидывается Надя.

– Не знаю… Нет, наверное, где-то в городе. И утром мне мама, такая, говорит: не уходи со двора, с незнакомыми не разговаривай, а если увидишь машину с затемненными стеклами, сразу убегай.

– И мне тоже мама так постоянно говорит. И Юльке. Да же, Юльк?

– Ага… А помнишь, Надьк, как ты рассказывала? Ты в школу шла, и увидела машину. Она остановилась недалеко от тебя, а потом одновременно резко раскрылись все четыре дверцы…

– Помню… Только не в школу, а в магазин.

– Реально? – Вера смотрит на нее с испугом в глазах.

– Да. Я даже не помню, как убегала.

– Блин… Страшно…

– Угу… А Юльку один раз со двора чуть конфеткой не сманили. Тетька какая-то.

– Да, да! – Подтверждает Юлька и хорошо удающимся ей приторно-сладким, «лисьим» голосом изображает тетьку, – такая говорит мне: «девочка, хочешь конфетку?» А я ей: «да!» А она мне: «пойдем ко мне домой…» и руку тянет.

– Бррр… А ты? – Спрашивает Вера.

– А я как дам деру, и домой! Только на своем пятом этаже отдышалась.

Надя и Вера с пониманием переглядываются.

– Ну че ты хочешь, – философски, подражая взрослым, говорит подруге Надя, – девочка-то красивенькая, хорошо одета. Как не сцапать?

*** проститутку**

– Вот-вот, – соглашается Вера, – только странно: раньше цыгане детей воровали, а теперь такие же, как и мы, русские…

– А зачем *они* детей воруют, не знаешь?

– А фиг их знает.

***

Возле Дома появляется какая-то фигура. К ней присоединяется еще одна, потом еще. Спустя несколько секунд там уже стоит пять человек. О чем-то переговариваясь, они периодически посматривают в сторону Абая-Шаляпина – явно кого-то ждут. Вскоре на горизонте появляются еще две фигуры, мужская и женская. Мужчина идет странно, как бы подволакивая одну ногу. Даже издалека Надя замечает надетые на нем темные очки. Не узнать мужчину невозможно. Это Хромой Алибек. Про него ходят разные слухи, один темнее другого.

Одно Надя знает точно: Хромой Алибек руководит местной бандой. В основном в его банде шпана – пацаны от десяти до шестнадцати лет. Они часто устраивают уличные бои с такой же шпаной из других микрорайонов. Но многие говорят, что за Хромым Алибеком водятся делишки и почище. Катька уверена, что он «держит район» – так сказали ей братья. Что это значит, Надя не поняла, а Катька не дала вразумительного ответа.

Он живет в двадцать первом доме, который находится за полянкой. Надя иногда встречает его, когда гуляет с Томкой. Он не замечает ее, но ей после этих мимолетных встреч почему-то сильно не по себе.

Это человек неопределенного возраста, ему можно дать и восемнадцать лет, и все тридцать. Крошечного роста, он не только сильно хромает, но еще и какой-то кривой – его левое плечо немного выше правого. Лицо бледное и почти уродливое – маленький нос слегка приплюснут, тонкие губы стянуты в синюю ниточку, тяжелая треугольная нижняя челюсть резко выдается вперед. Прямые черные волосы отпущены до плеч. Он всегда одевается в черное и никогда не снимает темных очков.

Рядом с Алибеком высокая стройная блондинка. Подойдя к пятерке парней, Алибек и девушка останавливаются. Один из парней подходит к ним, жмет руку Алибеку, затем достает из заднего кармана сигареты, предлагает одну Алибеку и сам закуривает. Начинается эмоциональный разговор – парень с сигаретой размахивает руками, переходит с русского на казахский и обратно, и громко матерится. Алибек сохраняет ледяное спокойствие, отвечает негромко, мало, точно взвешивает каждое слово на весах. Раз или два он поворачивает голову в сторону шалаша, в котором лежат девочки.

Надя замирает, сердце ее бешено колотится. Рядом, ни живая, ни мертвая, съежилась Юлька.

– Пошли отсюда… – едва слышно шепчет ей, склонившись через Юльку, Вера.

– Нет, увидят… – таким же шепотом откликается Надя, – пусть в Дом зайдут или уйдут, тогда пойдем.

Как хорошо, что перед шалашом растут высоченные сорняки! Девочкам неплохо видно, что происходит возле Дома. А вот оттуда едва ли заметно, что в шалаше кто-то есть. Это немного успокаивает, но все равно на душе тревожно.

Кажется, Алибек и его товарищи, действительно, собираются войти в Дом. И Наде, несмотря на страх, даже любопытно становится: как-то Дом примет их? Не похоже, чтобы они его боялись – вон, как вальяжно ведут себя, смеются, плюются…

Наконец один из парней подходит к окну, подпрыгивает, подтягивается на руках и переваливается внутрь. Надя невольно ахает. Остальные следуют его примеру. Наконец на улице остаются только Хромой Алибек и блондинка. Он подводит ее к окну, откуда раскрытыми ладонями вверх высовываются чьи-то руки. Но девушке, по всему видать, страшно. Она вдруг как-то съеживается, деревенеет, пытается протестовать. Но Алибек говорит ей негромко пару слов, затем подсаживает ее в окно, и девушка исчезает во чреве Дома. Алибек докуривает сигарету, циркает слюной сквозь зубы и, несмотря на хромоту, ловко, точно кошка, тоже прыгает в черное окно.

– Пошли? – Спрашивает уже погромче также наблюдавшая за действом Вера.

– Щас, давай подождем еще пять сек, – говорит Надя. Голос ее звучит немного хрипло – видимо, потому что горло от страха сдавило. Проходит еще немного времени, но ничье лицо так и не показывается ни в одном из окон. Дом хранит зловещее молчание.

– Пошли! – Командует Надя, – Только быстро, и не шуметь! Юлька, давай руку… да не наступай же на ветки, слышно же там все! Быстро, валим на Шаляпина!

Стараясь двигаться бесшумно и быстро, то и дело оглядываясь, девочки минуют опасную территорию и, не оглядываясь на Дом, припускают бегом к АХБК, куда Надя вместе с бабушкой когда-то ходила на ИЗО, училась рисовать красками и тушью. Там сегодня, как и всегда по субботам и воскресеньям, людно. Оказавшись в толпе взрослых и детей, Надя успокаивается, но руку непривычно тихой сестренки выпускать не хочет. Она лежит в ее ладони, маленькая и беззащитная.

Во дворе АХБК шумит большой фонтан. Когда на город опускается слишком сильная жара, местная детвора плавает в нем вместе с головастиками. А за АХБК – Шаляпина… Надя с детства боится этой улицы. Движение здесь сумасшедшее – здесь и перекресток, и трамвайная линия, и автобусы с троллейбусами ходят один за другим, и машины шмычутся по обеим сторонам дороги, как ненормальные… Разумеется, играет роль и страшное воспоминание.

Как-то зимой они с мамой ехали на такси в детскую больницу. На одном из участков Шаляпина водитель вдруг притормозил. Сбавили скорость и другие машины. Надя, посмотрев из окна, увидела, как рядом с остановкой собираются люди, кричат… А на дороге лежит что-то бесформенное и страшное… Мама тогда резко вскрикнула и закрыла Наде глаза ладошкой. Но Надя все равно успела увидеть прилипший к асфальту и пытающийся взмыть в небо большой раздувшийся оранжевый «рыночный» пакет…

В другой раз, возвращаясь с мамой поздним вечером из гостей по той же улице, они увидели, как одиноким и торжественным факелом горит чья-то машина.

Одна через Шаляпина Надя никогда не переходит. Даже с мамой и бабушкой ей страшно. В школе все смеются, но она никак не может справиться с паникой, которая охватывает ее, когда она подходит к ревущему, неистовому Шаляпина.

***

– Куда теперь? – Спрашивает Вера.

Надя вдруг чувствует сильную усталость. Да и Юлька, все еще вцепившаяся в ее руку, еле-еле переставляет ноги.

– Домой, наверное, – говорит она.

– Я тоже так думаю, – откликается Вера.

Почти до самого дома Наде кажется, что за ними кто-то идет. От одной только мысли, что вот сейчас из-за какого-нибудь угла или дерева покажется Хромой Алибек, к горлу подкатывает тошнота, сильно потеют ладошки. Успокаивается она только у своего подъезда. Попрощавшись с Верой, она поворачивается к Юльке и строго говорит:

– Дома никому ни слова.

– Почему? – Удивляется все еще немного напуганная Юлька.

– Нас гулять же не выпустят завтра, дурында! И мне влетит за то, что увела тебя так далеко.

– А, ну хорошо, не скажу! – Беспечно говорит Юлька.

Но Надя знает, что сестренка, у которой в одно ухо влетает, а в другое вылетает, может уже прямо сейчас проболтаться о приключении маме, и решает связать ее клятвой:

– Постой. *Поклянись,* что никому не скажешь.

– Клянусь, – большие карие Юлькины глаза мигом серьезнеют.

– Поклянись сердцем мамы!

– Клянусь сердцем мамы, что никому-никому не скажу, – торжественно и немного печально говорит Юлька.

Все, теперь точно не скажет. Они быстро поднимаются на свой этаж. Надино сердце тревожно колотится – ушли они утром, а сейчас, судя по угасающему солнцу, больше пяти. Набравшись смелости, она стучит в дверь. Открывает бабушка:

– Явилися? – Каким-то непонятным тоном спрашивает она, – а я уже искать вас хотела идти. Мать переживает…

Девочки молча разуваются, идут в ванну мыть руки. Темная тревога, кажется, передается и Юльке, она то и дело беспокойно посматривает на старшую сестру. Но ей-то чего переживать? Все шишки, как всегда, достанутся Наде.

Надя старается действовать как можно медленнее. Руки надо вымыть тщательно, и обязательно по локоть. И лицо тоже. И за Юлькой проследить, чтобы не набрызгала вокруг. Полотенчико нужно повесить ровно. Что же еще?..

Надя осматривается в поисках беспорядка, но, как назло, в ванной чисто и все лежит на своих местах. Юлька сначала в знак солидарности пыхтит рядом, но потом ей это надоедает, и она убегает в зал. Хорошо ей, она еще маленькая. У нее все просто…

Выйдя из ванной, она плетется в гостиную, пытаясь узнать по звукам доносящегося оттуда маминого голоса, насколько сильно она сердита. Благодаря дипломатическим усилиям Юльки, кажется, не очень. Но объясняться, учитывая статус *старшей,* все равно приходится.

– Где вы были? – Спрашивает мама. В ее голосе и тревога, и облегчение одновременно.

– Во дворе.

– А Юленька говорит, на «резинке».

У Нади холодеет внутри. Если Юлька проболталась, то все. Хотя, она же поклялась! Неужели ее мама теперь умрет?..

– Мы сперва во дворе в «Казаки-разбойники» играли, а потом на «резинку» пошли, – выкручивается Надя.

– Ой, врешь… – мамины глаза буквально впиваются в Надины, – небось, Катька вас опять куда-нибудь водила?

– Да нет же! – Она ничего не знает… Юлька не проболталась… Надя испытывает невероятное облегчение. – И я не вру. Просто мы в Казаков заигрались.

– А на «резинку» зачем ходили?

– А там у одной девочки новый крутой велик, а родители ей только там кататься разрешают, – удачно врет Надя и мама ей, кажется, верит.

– Идите ешьте. Там уже остыло все, наверное, подогрейте.

Только сейчас Надя понимает, что очень хочет есть. Юлька спрыгивает с диван-кровати и бежит на кухню. Там их ждет подогретое и разложенное по тарелкам пюре с сосисками.

– Ну, чай сами нальете, – устало говорит бабушка, – а я пойду лежать.

Наклоняясь над своей тарелкой, Надя тихо говорит сестренке:

– Молодец, что не проболталась.

Юлька краснеет от удовольствия:

– Ну, я же маминым сердцем поклялась, – важно говорит она и пожимает плечами, – если я скажу, то она умрет.

Пообедав и прибрав посуду, девочки идут в комнату, которая одновременно является и бабушкиной, и Надиной. Здесь стоит и бабушкин диван, и Надин рабочий стол, за которым она делает уроки. Бабушка лежит на спине с закрытыми глазами. Она не спит, но сестры все равно стараются ступать как можно тише и притворяют за собой дверь, чтобы бабушке не мешал работающий в гостиной телевизор. Юлька садится за рисование, Надя берет с полки книжку и удобно устраивается в кресле. Шторы в комнате задвинуты – бабушке мешает яркий солнечный свет.

– Сядь к окну, зрение испортишь, – раздается вдруг бабушкин голос, и углубившаяся в книгу Надя вздрагивает от неожиданности.

– Не испорчу, – бубнит она. Ей совсем не хочется слезать с кресла.

– Ослепнешь – будешь знать… Будешь как баба Тоня твоя… Ничерта не видит уже скока лет… – продолжает ворчать бабушка.

Надя не хочет спорить. Она только сильнее вжимается в кресло, точно ждет, что бабушка сейчас встанет и попытается вытащить ее оттуда. Но бабушка только вздыхает.

Вдруг раздается стук во входную дверь. Томка заливается звонким лаем, и направляющаяся на кухню мама открывает стучащему.

Надя прислушивается, стараясь проинтуичить, кто пришел. Точно не Корнеич – его гулкий бас она бы услышала. И точно не другие соседи – мама никогда не держит их на пороге, но обязательно приглашает войти. Тогда кто?.. В голове мелькает совсем уж безумная мысль: в Доме убили ту блондинку, а их троих там кто-то видел, и вот, пришел милиционер… Внутри все холодеет.

Но мама вскоре закрывает входную дверь, идет сперва на кухню, и только потом заглядывает к бабушке. Смотрит на Надю не строго, а скорее недоуменно.

– Кто приходил, мам? – Робко спрашивает Надя.

– Девочки со двора, – говорит она, – какая-то Аня. Принесла мне справку с работы своей мамы и резюме… Надя, ты зачем ей сказала, что я работаю на Мицубиси?!

Так вот оно что. Ну, сейчас ей точно влетит. А потом еще и во дворе все будут считать ее врушкой… Надя невольно съеживается, опускает голову:

– Так, просто…

– Что значит, «так, просто»? Объясни! Мне из-за тебя сейчас врать пришлось!

Бабушка открывает глаза, приподнимает голову и удивленно переводит взгляд с одной на другую. Юлька перестает рисовать, поворачивается на стуле и ждет развязки.

– Почему тебе из-за меня врать пришлось? – Едва ворочая от страха и стыда языком, выговаривает Надя.

– Да потому что я сказала этой Ане, что я, действительно, работала там, но только сегодня уволилась, а тебе об этом еще не сказала! – Восклицает мама.

Вот так мама… Надя чувствует, как ее заливает краска стыда.

– Прости, я… я так… больше… не буду… – едва слышно бормочет она.

Мама подходит ближе:

– Так почему ты наврала про Мицубиси? – В ее голосе больше удивления, чем гнева.

– Ну просто так… Мы играли, играли на «резинке», ну и вырвалось…

– Это у Ани этой крутой велик?

– Да…

– Понятно, – мама поджимает губы и выходит из комнаты. Вспомнив, что не сказала еще что-то, что-то самое главное, она оборачивается, – никогда, никогда больше не ври. Никому. Если бы я им сейчас сказала, что ни на каком Мицубиси я не работаю и не работала, вот что бы ты делала?

Вопрос повис в воздухе. Мама укоризненно смотрит на Надю, качает головой и закрывает за собой дверь.

9.

Когда Надя только-только пошла в первый класс, она как-то спросила у мамы:

– Мам, а ты при царе родилась?

Отсмеявшись, мама сказала:

– Твоя баба Катя родилась тогда, когда *Ленин* умер. А Ленин был *после* царя. А я родилась в 58-м, когда и Ленина, и Сталина уже и в помине не было.

Кто такой Ленин, Надя знала. В школе на уроке Родной Речи учительница читала им про то, как он, будучи в сибирской ссылке, ловко обманул «царских соглядатаев», ищущих какие-то запрещенные книги.

Рассказ был очень интересным. Домой Надя уходила, будучи по уши влюбленной в Ленина. В школьном холле они с Артуром, мальчиком, которого Надя знала еще с детского садика, остановились возле огромного бюста Вождя и долго, с благоговением рассматривали его профиль. По правде сказать, Ленин, изображенный на картинках, казался ей красивым и нравился больше бронзового, от которого так и веяло монументальным холодом, и находиться рядом с которым было почему-то жутковато. Но очарование образом брало свое. Придя домой, она от корки до корки пролистала учебник в поисках новых рассказов о Ленине, но их там, к сожалению, не было. И Надя решила хорошенько порасспрашивать о Ленине маму и бабушку, но для этого было нужно дождаться вечера – мама была на работе, а бабушка у Юльки в Аксае.

Первой пришла мама, а спустя полчаса приехала и бабушка. За ужином Надя, захлебываясь от восторга, пересказала им рассказ про Ленина и «царских соглядатаев».

– Вот умный Ленин, да же, мам? – Спросила она.

Мама, чье лицо во время рассказа сохраняло какое-то непонятное выражение, положила ложку на стол и, пристально глядя в глаза дочери, тщательно выговаривая каждое слово, сказала:

– Ленин был очень, очень плохим человеком.

Надя не поверила своим ушам. Недонесенная до рта ложка с супом так и зависла над тарелкой. Хлопая глазами, она ждала объяснений, но мама замолчала и вновь вернулась к своей тарелке.

Надя повернулась к бабушке, но выражение ее лица напугало ее, и незаданный вопрос так и повис в воздухе. В маленькой кухне воцарилась какая-то жуткая тишина, нарушаемая разве что стуком алюминиевых ложек по дну тарелок.

Молчание было нехорошим, густым. Несогласие с чем-то невысказанным чувствовалось во всем – в поджатых губах мамы, в шишковатой бабушкиной руке, держащей ложку, в нервном покачивании маминой ноги. В чем дело, Надя, как ни силилась, не могла понять. Точно уяснила она одно: мама с бабушкой за что-то рассердились на нее. Напуганная продолжительным молчанием взрослых, заранее пристыженная, Надя робко возразила:

– А… учительница говорит, что он был очень хорошим.

– Ленин был плохим человеком, – нажимая на каждое слово, повторила мама. Выдержав паузу, она продолжила, – он царя убил.

– Но учительница сказала…

– Неправду сказала учительница. – Отрывисто сказала мама и, поднявшись из-за стола, поставила тарелку в мойку. – Он убил царя вместе со всей его семьей. Включая мальчика, цесаревича. А он был чуть-чуть постарше тебя.

До сих пор молчавшая бабушка издала какой-то странный горловой звук. Надя, шокированная известием, что Ленин, добрый и хороший Ленин, оказывается, кого-то «убил», вздрог-

нула и покосилась на нее. Бабушка положила недоеденный хлеб рядом с тарелкой, и каким-то чужим, сдавленным голосом, произнесла:

– Ты зачем… ребенка против учителей настраиваешь?

– Я не настраиваю. – Сказала мама, – но хочу, чтобы ребенок знал правду.

– Какую еще тебе правду?

– Горькую, маменька! Нет, ну ты посмотри, а, какие уроды… – Ни к кому не обращаясь, возмутилась мама, – Союз уже год, как распался, а они до сих пор детям этим Лениным мозги пудрят… Надя, запомни… Что бы тебе ни говорили в школе, запомни, заруби себе на носу: Ленин был гадом, он не только всю семью царя убил, он еще и страну нашу разрушил. А из-за этого и наша семья пострадала.

Тут бабушка напугала Надю еще больше.

– Не смей! Трогать! Ленина! – Потрясая над головой руками, тонко закричала она. Ее глаза вдруг стали какими-то круглыми, изо рта на пол выпал кусочек картошки. Надя вжалась в спинку стула и испуганно переводила взгляд с одной на другую.

– Не пугай ребенка! – Строго сказала мама. – Наворотил дел твой Ленин, спасибо ему. Семьдесят лет расхлебываем, и еще столько же будем.

– Ленин все делал правильно. Все! – Категорично заявила бабушка.

– Ну да, как же… Землю крестьянам, заводы рабочим… Что ты получила? Ты, герой труда! Что ты получила?! Что он дал тебе, твой Ленин?

– Всё!

– Что «все» -то? Раскулачивание? Нищету и позор?!

– А иди ты *у* манду! – слезливо завопила, махнув на маму рукой, бабушка, – ниче ты не понимаешь! Не мне, так другим! Да, Ленин дал крестьянам землю! Не стало над ними этих кровопийц, панов этих косопузых!..

– А вместо «панов косопузых» появились председатели колхозов! – Повысила голос и мама, – не ты ли, маменька, проклинала все эти собрания? Не ты?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.